

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 9

1985

Евгений КРИГЕР

ФРОНТОВЫЕ БЛОКНОТЫ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 9

Евгений КРИГЕР

ФРОНТОВЫЕ БЛОКНОТЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1985

Евгений КРИГЕР

Предлагаемая читателю публицистика военных лет принадлежит перу известного очеркиста, писателя Евгения Генриховича Кригера. Его имя по праву входит в летопись советской журналистики.

Евгений Кригер начинал свой творческий путь в двадцатых годах в Баку, где жила его семья. Писал небольшие пьесы, печатался в местных газетах. В 1927 году переехал в Москву, сотрудничал в газетах «Молодой ленинец» и «Рабочая Москва». С 1929 по 1932 год — очеркист газеты «Комсомольская правда».

С 1932 года Евгений Кригер работал специальным корреспондентом газеты «Известия», а с 28 июня 1941 года он — военный корреспондент этой газеты. Прошел по фронтовым дорогам долгий и трудный путь до Победы, ярко отобразив в своих многочисленных очерках великий солдатский подвиг в жестоких битвах под Москвой, в Сталинграде, на Курской дуге, при освобождении Украины, Белоруссии, в боях в Восточной Пруссии. В последних фронтовых очерках Евгений Кригер писал о разгроме Квантунской армии в Маньчжурии.

Очерки Евгения Кригера — столь же документ, сколь и искусство. Талантливый публицист, глубоко партийный человек, он и в дни войны и в дни мира был всегда в самой гуще событий, умел разглядеть в них и в людях, с которыми встречался на своем жизненном пути, героизм и огромные созидательные силы советского народа.

В этой книге собраны некоторые из корреспонденций Евгения Кригера фронтовой поры, а также очерки, написанные позднее по материалам военных записей.

СИЛА ДУХА

Всегда мечтал получить когда-нибудь для своей книжной полки увесистый том под названием «Мемуары советского солдата».

Железная воля, знание, искусство, дар мгновенной ориентировки и предвидения, изобретательность, смелые и остроумные решения военачальников приводят к успеху, если под их командованием сражаются солдаты, по натуре своей, по убеждению и силе духа способные побеждать даже в самых сложных, порой невыносимых, безвыходных, казалось бы, обстоятельствах.

Вспоминаю четыре года войны, листаю блокноты времени битвы под Москвой, обороны Сталинграда и нашего ответного штурма, жестоких боев в районе Курской дуги, на Днестре, под Харьковом и Киевом, при освобождении Одессы и Севастополя, на пути к Ровно с тамошней резиденцией Эриха Коха, в Восточной Пруссии с Эльбингом и Кенигсбергом и, наконец, записи времен сражений на Дальнем Востоке из Мудань-цзяна, Харбина, Порт-Артура на Тихом океане, где мы «свой закончили поход». И каждая строчка военных блокнотов напоминает, доказывает, свидетельствует, убеждает — да, в своей массе наша армия состояла именно из таких солдат!

Каждый из них был беспощадным противником для гитлеровских головорезов, отравленных бреднями о мнимом превосходстве нордической расы. Наш солдат в невиданных боях против носителей этих бесчеловечных лозунгов и теорий оказался сильнее именно потому, что при всех обстоятельствах оставался прежде всего Человеком.

Однажды болгарский журналист спросил меня: «Все четыре года войны вы были на фронте — что это дало вам, что изменилось в вас?» Помолчав, я ответил: «Там я понял по-настоящему, что такое Человек. И сам в большей мере, чем прежде, стал человеком».

В этих словах нет ни преувеличения, ни чего-либо странного или парадоксального. Я говорил искренне. При всей своей противоположности в жизни народов война, прежде всего справедливая, несущая свободу война, опасность и необходимость быть сильнее опасности обнажают в человеческих натурах их глубинные свойства. Трус будет трижды трусом. Смелый станет трижды смелым. Друг

перед лицом грозящей смерти докажет свою беззаветную верность другу. Добрый в неожиданных и не подходящих, казалось бы, для этого обстоятельствах, наперекор суровым законам войны все равно обнаружит свою доброту и великодушие. С чистым сердцем я пишу это, потому что помню нашего солдата, сотни знакомых мне солдат на священной войне против фашизма.

Неизбежная в бою жестокость — и человеколюбие. Беспощадное упорство в обороне и в наступлении — и поразительная отходчивость после смертельной схватки. Презрение к бредням фашистских молодчиков — и своего рода жалость к ним, одураченным, окопаченным, опустошенным оравой геббельсов. Неистребимая ненависть к захватчикам — и способность трезво оценивать силы противника, вымуштрованность и дисциплинированность его солдат, мощь его техники на первом этапе войны. Глубина переживаний всей беды, постигшей нас при вероломном вторжении врага, — и животворное чувство юмора в самых трудных обстоятельствах, в соседстве со смертью, в зное и в стуже, в окружении или в бою малыми силами против многочисленной на каком-то участке вражеской орды.

Да, таким он и был, наш солдат, на минувшей войне.

Жестким, но и гуманным. Гневным, но не злобным. Беспощадным к нападшим, но снисходительным к пленным. Разящим врага, но спасающим из огня его детей. Стойким в тяжелом бою, выносливым до предела, нетребовательным и терпеливым в неблагоприятной обстановке, бесконечно трудолюбивым в титанических условиях, какие требовал от бойцов фронт в каждый из дней войны.

И прежде всего он был человеком, убежденным в своей правоте, в святости дела, за которое шел на смерть. Эта убежденность и давала ему решимость и силы для подвигов, казавшихся раньше невыполнимыми, неведомых истории прежних войн, — вспомним тех, кто во имя успеха товарищей телом своим закрывал ствол разящего фашистского пулемета! Не только гвардейца Александра Матросова — их было много, без колебаний шедших на верную смерть во имя грядущей, тогда еще далекой Победы!

Еще на фронте я думал об истоках непостижимого для иных массового героизма советских солдат — русских и украинцев, белорусов и грузин, азербайджанцев и казахов, армян и дагестанцев, сынов всех наших народов, в грозный час вставших на защиту единой и великой своей Социалистической Родины. И нашел один главный ответ — не прошли даром годы с памятного дня 25-го октября 1917 года, живет и будет жить в сердцах наших людей ленинская правда, именно поэтому в дни тревоги и гнева даже, казалось бы, далекие от политики патриоты становятся в душе убежденными коммунистами.

...Вспоминаю вьюжный подмосковный фронт 1941 года, солдат, будто вмерзших в землю оледенелых окопов, неравные поначалу бои с вооруженным до зубов врагом, осатаневшим при виде предместий

нашей столицы, готовым на все, лишь бы дотянуться, дотянуться, дотянуться хотя бы ползком, на брюхе, но вломиться в древний русский город, развалиться на кроватях московских отелей и устроить мир парадом на Красной площади! Вспоминаю родившийся в среде подмосковных наших солдат лозунг, призыв: «Один против танка!» Вспоминаю, как сутки провел на переднем крае в поисках героя, а очерк-донесение того дня так и назвал «Поиски героя» и признался в нем, рассказав о многом поистине необыкновенном, что не могу назвать имени о д н о г о героя. Не могу, ибо все, кого я видел в боях того дня, были настоящими героями. И такими они были все дни и ночи в боях под Москвой. И поэтому Москва выстояла.

Вспоминаю осажденный, огнедышащий Сталинград, край реки под прибрежными холмами, где чудом держались солдаты генерала Чуйкова, перемолотые бомбами развалины, где не оставалось будто ничего живого, когда после очередной неистовой бомбежки уверенные в успехе фашисты снова и снова шли в атаку на кладбище камней и падали замертво или откатывались назад, обезумев от изумления и смертельного страха: мертвые камни не только жили, они убивали! Вопреки всякому вероятию так дрались наши солдаты. И поэтому Сталинград выстоял.

Помню и молодых, горячих в своем бесстрашии солдат и пожилых, обстоятельных, воевавших хозяйственно и деловито, что особенно характерно для советских людей, рассудительных и надежных в бою, как они рассудительны и надежны в труде, на колхозном поле, в цехе завода, на рыболовной шхуне или за рулем бывалого грузового автомобиля. Много таких повидал я за годы войны, обо всех не расскажешь. Как же не похожа их манера воевать, спокойная, осмотрительная, лишенная ненужного наигрыша, на фанфаронство и браваду многих гитлеровских «сверхчеловеков», начинавших атаку после оглушительной порции шнапса, кичившихся своими уродливыми эмблемами, костями и черепами, снимавшихся на фоне виселиц, полураздетых трупов, пожарищ. Советский солдат дал понять им, что такое настоящая война. Что такое война, что такое серьезный противник, сражающийся за правое дело, за свои убеждения.

Гвардейцы! Это слово говорит у нас о многом, полностью охватить его содержание трудно. Это отвага и мастерство, самоотверженность и безошибочный расчет, быстрота решений в бою и настойчивость в достижении цели, всесторонние знания, культура воина и его гуманность по отношению к поверженному врагу. Идейность, поражавшая даже врагов, и преданность Родине, не знающая границ...

Гвардия... Как революционно меняется время! Когда-то этим итальянским словом именовались отряды, охранявшие правителя, деспота, диктатора. На превращениях только этого понятия — гвардия — даже закоренелые приверженцы «неподвижности» общества, обычаев, порядков, нравов смогут убедиться: движение времени необратимо, неодолимо. Королевская гвардия Франции перестала

существовать по воле революции 1789 года. И если на смену ей буржуазия учредила свою гвардию, если гвардия революционного генерала Бонапарта стала императорской гвардией, то Парижская Коммуна 1871 года создала новую, народную национальную гвардию, овеянную славой революционных сражений.

Близкий нам, гордый, вдохновляющий дух слово «гвардия» обрело в буре и натиске 1917 года: пришедшие из фабричных цехов и деревень, кое-как еще вооруженные, разношерстно одетые, плохо обученные, но сильные своей убежденностью, своим порывом в будущее, солдаты Революции называли себя красногвардейцами. Сама история нашей страны придала древнему слову новый смысл, обогатила его новым содержанием, новыми традициями, подвигами бессмертными, признанием всенародным.

Нет, не в громе салютов и почестей родилась она. Первые гвардейские соединения возникли в пору смертельной для нас опасности, на самом трудном, самом сложном этапе Великой Отечественной войны, когда в самых невыгодных для себя условиях наша армия упорно, ценой невероятных усилий и великих жертв сдерживала внезапное, вероломное, исподволь подготовленное вторжение врага. За беспримерную доблесть в невиданно тяжелых боях осенью сорок первого года первыми были удостоены этого почетного звания 100-я, 127-я, 153-я и 161-я стрелковые дивизии.

Одно из своих «донесений» с фронта в «Известия» я назвал «Гнев добрых». Да, то был гнев добрых, ярость сопротивления людей, совсем недавно и не помышлявших о войне, отстаивавших дело мира во всем мире, с приязнью относящихся ко всем народам земли и к людям той же Германии за их Бетховена и Гете, за Фейербаха и Энгельса, Дюрера и Томаса Манна, за трудолюбие и талант народа. И вот этот народ отравили фашизмом, натравили на нас. Гнев добрых не только справедлив, но и беспощаден. Вся наша армия оборонялась упорно и умело, но были соединения, оказавшиеся в наиболее сложной обстановке.

В жестоких боях 100-я ордена Ленина стрелковая дивизия генерала И. Руссиянова совместно с другими нашими войсками на восемнадцать дней остановила в Белоруссии ударную танковую группировку германского генерала Гота. Еще не было тогда надежных средств борьбы с танками, но герои придумали свои подручные средства, бутылки и флаги, наполненные бензином. Теперь то это звучит просто, будто обыденно, но представим себе мгновение, когда навстречу армаде ревущих, изрыгающих огонь танков поднимаются наши пехотинцы, вооруженные лишь бутылками с бензином... Так было. И фашистские танки горели. И неистовствовал в своем штабе гитлеровский генерал Гот, не в силах представить себе, как же могут сражаться советские солдаты в положении почти безвыходном, как сумели они преградить путь его «победоносным» стальным полчищам.

Будущие гвардейцы дрались и в окружении, в «котлах», дрались с обнаженными флангами частей и соединений, рассеченных танковыми клиньями противника, дрались искусно и зло, сковывая крупные силы врага, шаг за шагом прорываясь к своим, на восток. Гнев добрых?.. Нет, пожалуй, я тогда преувеличил наше долготерпение. Подлость врага, зверства фашистских молодчиков не сделали и не могли сделать наших солдат слепо жестокими — не такой у нас нрав, не такие убеждения. Но и «добрыми» не были они по отношению к захватчикам, лишенным чести, сплошь и рядом терявшим человеческий облик, человеческие свойства. И напоенные шнапсом «сверхчеловеки», расисты, насильники, ржавшие от идиотского восторга на пепелищах наших деревень и городов, — они на своей шкуре почувствовали, что такое гнев советского воина.

На западных рубежах гитлеровские солдаты и генералы узнали мастерство и мощь нашей обороны. Позже, уже в августе 1941 года, под Смоленском и Ельней им дали понять грозную силу советского наступления. Я был тогда как раз на этих участках фронта и помню действия той же 100-й дивизии Руссиянова — уже не в обороне, а в штурме, — помню и наших солдат-сибиряков, умевших наступать с сибирской хваткой и основательностью, помню общий дух того штурма, одного из первых в начале войны, штурма, вернувшего нам Ельню, отбросившего врага на десятки километров, а главное, давшего нашей армии выигрыш во времени в опаснейший момент войны.

В таких сражениях рождалась и мужала наша гвардия. Я вспоминаю ельнинскую операцию и отличившихся в ней солдат и офицеров 100-й стрелковой дивизии не потому, чтобы оставить в тени значение других операций, а оттого, что не был в ту пору в других боях, зато здесь, в районе Ельни, вместе со всеми восхищался героями первой нашей дивизии, открывшей почетный список гвардейских соединений Советских Вооруженных Сил.

Но обо всех не расскажешь... Забыть ли храбрецов 1-й гвардейской танковой бригады полковника, ныне маршала бронетанковых войск М. Катукова! Это они сорвали «молниеносное» наступление такого знатока танкового маневра, как Гудериан. Это они в отчаянно трудной обстановке, малыми силами, ничтожным по сравнению с вражеским числом боевых машин сумели создать у Гудериана впечатление, будто перед ним — чуть ли не главные наши танковые соединения на важном для нас направлении. Это они мгновенными передвижениями, засадами, видимостью массированных танковых контратак, сбивавших с толку, ошеломлявших противника, заставили Гудериана растеряться, сбили его наступательный пыл, принудили поверить, будто перед ним чуть ли не танковая армия. Наверное, дьяволом мерещился фашистам лейтенант Бурда, вездесущий и неуловимый, выскакивавший перед ними внезапно, действительно как черт из табакерки, заставлявший их остановиться, замереть.

Приказ о преобразовании бригады Катукова в гвардейскую был зачитан танкистам утром 12 ноября 1941 года. В то же утро по приказу генерала К. Рокоссовского они бросились в наступление. Это было в районе села Скирманово под Москвой... Надо помнить то тревожное время, нависшую над столицей опасность, бешеные усилия врага, из последних сил стремившегося дотянуться, дотянуться, дотянуться до Москвы, надо помнить все это, чтобы оценить великий героизм наступающих. Мне посчастливилось побывать в ту пору в том районе. С какой же радостью я озглавил тогда свою корреспонденцию одним и весьма простым словом — «Пусто...» Да, в немаловажном для противника узле, в Скирманово, еще вчера битком набитом немецкими солдатами, орудиями, боеприпасами, складами, когда мне удалось туда пробраться, было пусто. То есть все брошенное безавшим врагом осталось на месте, но врага-то в селе уже не было, враг сгинул, рассеялся, стынул в ближних лесах и оврагах.

И снова из уст в уста передавалось имя командира танковой роты Бурды, снова гремело имя командира танкового взвода Лавриненко, дерзко вызвавшего на себя огонь и тем самым вскрывшего вражескую систему артиллерийской обороны, — умело взаимодействуя с пехотой, танкисты Катукова делом доказали, что они настоящие гвардейцы. Вслед за Скирманово больше тридцати часов длился трудный бой за важный для гитлеровцев узел Козлово, и снова немцам пришлось уйти. Так отметили танкисты свой праздник «производства» в гвардейцы.

...Забыть ли под Москвой гвардейцев-пехотинцев генерала А. Белобородова, искусство и мощь их обороны, дерзость и расчетливость их наступления в районе многострадальной Истры, штурм переправы, прикрытой таким огнем противника, будто там началось извержение неведомого вулкана!.. Кстати, Белобородов вспоминал позже: «С 12 по 14 декабря саперы под командованием старшего лейтенанта Трушников, преодолевая сильное течение, навели переправу... Этот героический труд саперов под непрерывным огнем противника нельзя сравнить ни с чем...»

Это свидетельство надо запомнить, чтобы оценить и понять доблесть гвардейцев всех родов войск — от солдат пехоты до вынесших на себе иполинский труд войны инженерных соединений, от мастеров испепеляющего артиллерийского огня до сражавшихся за наше небо героев-летчиков, от бесстрашных и яростно-веселых наших военных моряков, наводивших ужас на гитлеровцев одним лишь видом матросской тельняшки, до смелых и неутомимых водителей фронтowych машин, доставлявших боеприпасы даже по таким простреливаемым дорогам, где, казалось бы, не могло уцелеть ничего живого...

Все четыре года искал на фронте примеры героизма не очень с виду эффектного, может быть, «будничного», но такого надежного, какой

свойствен именно советскому солдату. Война состоит не только из картинных по-своему сражений. Война — это тяжкий солдатский труд, начиная от каждодневного порой рытья окопов, укрытий, ходов сообщений, сооружения дотов, мостов, блиндажей, укреплений, когда не обойтись и без установки или обезвреживания миллионов и миллионов мин, постройки и восстановления коммуникаций, железных дорог, шоссе, аэродромов.

Сражаясь, наши солдаты с честью вынесли на своих плечах эту ношу войны. Мы помним и чтим солдатскую доблесть в ее прямых, самых ярких, порой поистине фантастических проявлениях. Фанатичное, вымуштрованное упорство гитлеровцев было сломлено обдуманной, сознательной, прочной храбростью наших воинов.

Как автор многостраничной и великой книги Победы, наш сильный духом солдат по праву расписался на стенах рейхстага в Берлине!

ТРУДНАЯ ШКОЛА ВОЙНЫ

Война началась в июньское воскресенье, и за день до начала войны мы были еще теми прежними мирными людьми: один собирался на рыбную ловлю, другой покупал билет на вечерний спектакль, мальчишки играли на поле с футбольным мячом, кто-то шел к букинисту за книгой, в деревнях затевались гулянки, и в этот час фашисты уже резали проволоку на нашей границе, и все оборвалось, земля встала дыбом под взрывами бомб, города запыхали, женщины склонились над трупами убитых детей, и мы, те из нас, кто был на границе, увидели первые вражеские танки, увидели смерть.

Шли недели, мы привыкали к войне, и, когда привыкли, гитлеровцам пришлось отступать, мы их погнали, и дороги на Запад от Москвы стали черными от железного лома. Мы взвесили горе, которое враг обрушил на нас, выстояли самые страшные месяцы, в декабрьских снегах пробиваем дорогу к победе. Мы справедливы, мы все возвращаем сполна.

Ночь. Обходом, лесами, минуя дороги, по пояс в снегу, переходами по двадцать и тридцать километров за сутки, засыпая в сугробах и опять просыпаясь для боя, идут наши люди, наш наступающий фронт, угоняя врага от стен древней столицы.

Я вспоминаю, как люди учились. Это был урок мужества, его проходили миллионы. На Березине, на Днепре, в смоленских лесах, когда грабьярмия Гитлера ревела моторами в небе и на земле, а мы только начали оправляться от первых ударов и, изматывая врага, отходили.

Люди фронта тогда и теперь. Не каждый способен сразу стать своим человеком на фронте, особенно в этой войне. Должно пройти какое-то время, пока человек сбросит с себя переживания первой

минуты и привыкнет к новым для него картинам и звукам сражения.

В ту первую, самую тревожную минуту войны он узнавал самого себя. Он озирался: как ведут себя другие? Он думал: «А вдруг я окажусь трусом?» Когда слышался нарастающий свист снаряда, он ждал: «Это в меня!» Он сжимался в комок и закрывал глаза. С тоской он сознавался: «Да, я трус!» Мысль более мучительная и противная, чем ожидание смерти. Многие принимают ее за страх. В действительности это гордость и стыд перед товарищами. Потом все проходит — и тревога, и жестокая, пристрастная слезка за собой, все проходит. Это знают люди обстрелянные.

Это знал красноармеец Бочаров. В окопы, на передний край у Днепра прибыло пополнение. Молодые бойцы шли туда по земле, опаленной боями, через местные, сожженные села, мимо черных, как уголь, деревьев. Новичков направили в третью линию окопов — пусть привыкнут. Через два дня их перевели на вторую линию и, наконец, на первую линию, куда нужно пробираться не только согнувшись, но просто ползком и лучше всего в темноте, с наступлением ночи.

К ним пришел Бочаров, поглядывал с любопытством: давно ли и сам был таким же? Бочаров решил показать им, кто же окажется настоящим смелым в этой войне — наши молодые бойцы или те головорезы с автоматом и свастикой. Бочаров попросил разрешения командира, глянул перед собой во мглу, кипящую взрывами, и выскочил из окопа. Комья сухой глины посыпались вниз, он вырвался вперед и пропал в темноте.

Он один полз к вражеским окопам, выбрасывая перед собой локти, подтягиваясь всем телом с такой силой, что пряжка ремня скрипела, царапая землю. Все стихло в нашем окопе, а потом по линии траншей фашистов пронесся шквал огня, все впереди завывало, как будто где-то прорвало плотину, и весь гром и треск, какой только может быть на земле, хлынул в пробоину. А еще через десять минут перед самым окопом зашуршала трава, и Бочаров свалился с бровки вниз, к ногам товарищей.

К нему кинулись расспрашивать. Он отмахнулся — дайте отдыхать! Ему подали шинель, он сбросил ее: неужели кто-нибудь зябнет? Жара! Потом поднялся и стащил в окоп станковый пулемет.

— Неужто немецкий? — в один голос спросили необстрелянные. Бочаров кивнул головой.

— Пятерых гранатой, — сказал он, — двоих штыком. Кто же, выходит, трусы? Мы с вами или вон те, у кого мы пулемет взяли? Ну?

— Теперь понятно, — сказали бойцы, оживляясь. — Теперь все ясно!

Это было в августе на Днепре. Первые уроки мужества не прошли даром. Теперь январь, война не стала более легкой, снег пал на землю и покрыл под собою минные поля, и гитлеровцы от стужи и злобы совсем озверели, и все же натиску их на земле и в воздухе положен конец. Теперь войну ведем мы, такие, как Бочаров, и те, кого он учил.

Они изменились, люди нашего фронта, в бою хотят быть хозяевами. За отбитым нами Тарутином, где на обелиске расправляет медные крылья орел восемьсот двенадцатого года, я встречал таких людей, как сержант Кингашев, автоматчик. Красноармейцам вручают новое оружие, и днем Кингашев учит их обращению с автоматом, а ночью ведет за собой на охоту, на пятьдесят метров вплотную к вражеским ходам сообщения, ждать, когда снег заскрипит под ногами солдат, повалить их на снег первой же очередью, разворошить муравейник и скрыться во мгле. Еще в трудные дни обороны Кингашев пробил путь к Темной роще, где фашисты сидели особенно крепко, за минными полями и проволокой, в блиндажах глубиной в десять метров, недоступные даже для огня нашей тяжелой артиллерии. Кингашев взял с собой железную кошку, веревку и, проваливаясь в снег по самое горло, полз к вражескому переднему краю, к проволоке, обвешанной минами. Он знал, что каждую минуту может взлететь на воздух, и все же делал то, что задумал,— цеплял кошку за проволоку, отползал в сторону, дергал веревку, и мина взрывалась, сшибая препятствия, и гитлеровцы орали в своих блиндажах, и автоматчик рвал мину за миной, пока не сделал проход в линии малозаметных препятствий шириной в семьдесят метров. Один Кингашев сделал то, что потребовало бы сотен снарядов.

Вряд ли Сергей Запхаев в ту пору представлял по-настоящему, что такое война, где нужно убивать, иначе убьют тебя, твоих товарищей, твою девушку, поработят твою землю и Родину. Он все еще был человеком мира. Немцы внезапно напали на всех нас, на него, ведь это неразделимо, мы все росли вместе, миллионы людей от Тихого океана до Балтики, на общей земле, и вместе учились, вместе мечтали, и мечта общим нашим трудом входила в жизнь, как входит в жизнь высеченный из камня, из гранитной скалы памятник, видимый далеко-далеко, над крышами домов, над садами, над степью. Фашисты напали на нас и сделали Сергея Запхаева человеком войны.

Только понаслышке, по книгам он знал о фашизме и уже совсем не знал, что значит тотальная война, но в июле прошлого года услышал в небе тяжкие вздохи моторов, и тихий город, раскиданный на холмах, прислушивался к этим звукам — то были вражеские самолеты, и они делали свое черное дело. Мерные вздохи и свист, протяжный, не очень громкий, чуть хриловатый, все ближе к земле, и в первую минуту совсем не страшно, но потом тихое посвистывание становится ударом, от которого мир раскалывается в ушах, и нужно лежать ничком на земле, и на твоих глазах, если ты можешь смотреть, из домов вырывает стены и крыши, и там, внутри, кровь и смерть для каждого, для спавших в кроватях детей, для матери, подбежавшей к ним при звуках тревоги, для спускавшихся по лестнице стариков,— все гибнет и рушится в пламени, и ты видишь это, если только можешь смотреть. Ты поднимаешься с земли и бежишь, бежишь помогать тем, кому еще

можно помочь, ты поднимаешься с земли другим человеком, на твоих глазах фашисты сожгли тихий город на холмах Дорогобуж. Так было с Сергеем в июле прошлого года. Он узнал, что такое война — самая тяжелая из войн.

Сергей узнал тогда все, что нужно знать бойцу в час тревоги, научился рыть щели и ровики, плоские блиндажи с бревенчатыми накатами, в которых опасность грозит только в случае прямого попадания бомбы, но такие случаи ничтожно редки, научился заставляя себя и других не вскакивать при бомбежке, а лежать ничком, и лучше всего в щели, тогда ураган осколков и взрывная волна пронесется над тобой, и ты остаешься жив, ты продолжаешь драться. Этому и многому другому научился Сергей, и он был уже сержантом; но главная наука была другая, наука ненависти к тем, кто сжег Дорогобуж, и спокойный, молчаливый сержант овладел этой наукой. Горе тому, кто ожесточает сердца добрых и нежных. Они будут драться до конца и уничтожат все, что стоит на пути их нежности, обращенной ко всему человечеству. Сергей стал солдатом самой свирепой из войн.

Его часть продвигалась к линии боя, когда на марше ее настигла вторая бомбежка. Взвод минометчиков, которым командовал сержант, втягивался из лощины в деревню, и три «юнкерса» стали пикировать. Сержант удержал молодых от непреодолимого в первые минуты желания отбежать куда угодно, лишь бы не оставаться на месте, крикнув: «Ложись!», и сам приник к земле, продолжая следить за каждым из бойцов, и вдруг перестал слышать и видеть. Упругий толчок в спину. Он не почувствовал, как его выдернуло из ямы. На несколько секунд он потерял сознание. Бомба разорвалась в десяти метрах от сержанта. Когда он открыл глаза и поднялся, «юнкерсы» делали второй заход. Другой сержант, помоложе, был бледен, порывался вскочить, оттащить и Сергея в сторону. Сергей сердито сказал ему: «Лежи, все в порядке, слышишь, я жив, значит, надо лежать, и пусть врутся хоть рядом!» Он крикнул бойцам:

— Лежать по местам. Головы ниже. Сейчас они уберутся.

И «юнкерсы» ушли ни с чем. Во всем взводе ни одной царапины. Сержант сумел удержать людей на земле. Они видели, как удар, пламя, черный дым и комя взрытой земли рванулись рядом с сержантом. Но он был жив. Все целы и невредимы. Надо слушать сержанта, с таким не пропадешь. И взвод продолжал прерванный марш.

К вечеру он был на передовых. В роще нужно дожждаться темноты и в полной тишине занять огневые в первый раз по-настоящему, не на учениях, а в 1500 метрах от фашистов, тех самых, которые спалили мирный Дорогобуж

Эта минута навсегда врезалась в память сержанту. Как заученные в раннем детстве стихи, он помнит свою команду, произнесенную

почти год назад: «По противнику! Заряд — два! Угломер 30.00! Прицел 6.20. Ого-оны!» Он заметил, как нервничают необстрелянные бойцы, бросился к миномету и первым послал три мины. Он ждал, когда посланная его рукой смерть громовыми ударами отзовется там, среди гитлеровцев. Один, другой, третий удар! Донесение наблюдателя: «Хорошо!» Тогда беглым огнем по пяти штук, шестью минометами, и все впереди завывало, затрещало, минометчики выворачивали наизнанку позиции неприятеля, и батальон стрелков рванулся вперед, и к рассвету все было кончено. Фашисты убрались с прежних позиций. Минометчики выдвинулись на опушку рощи, окапывались, в бинокль сержант видел поляну и овраг за поляной и вражеские пулеметные гнезда — они заметны по вспышкам огня и легким, как от порыва ветра, вспышкам дыма и пыли, а иногда на солнце блеснет гитлеровская каска — вот они, ну, держитесь!

Эта война быстро втягивает в себя. На второй день сержант и его командиры, молодые бойцы, увидели, как из дальней рощи вылезли два фашистских танка, они приближались, и наши орудия открыли огонь, и, черт возьми, совсем не так страшно, первый танк артиллеристы подшибли; едва минометчики открыли огонь, как второй танк отвернул и шарахнулся назад, в ту же рощу. Трое суток минометчики били по врагу, а на четвертый день боя им показали то, что заставило их верить в свое оружие по-настоящему. Им показали две разбитые фашистские минометные батареи, четыре уничтоженных пулемета — дело их собственных рук, дело всей роты. И они вошли в войну как хозяева.

В августе часть вела наступательные бои. Гитлеровцы сопротивлялись с бешенством, разожженным собственными неудачами на этом участке. Минометному взводу Запхаева приказано было быстрее передвинуться в лощину у рощи «Язык». Расстояние — два километра и под огнем. В лощине нужно помочь пехотинцам, им туго. Запхаев подал команду:

—Минометы, отбой! Во вьюки! Старшему сержанту Веденеву быть замыкающим. Остальным следовать за мной, расчлененно, по одному.

Он знал, на что идет взвод. Он вывел его из рощи, через деревню, редкими кустами на правом берегу озера, и нацисты тут видели все и били из пулемета и двух минометов, но другого пути нет, это нужно преодолеть. Запхаев провел свой взвод так, что только одному из бойцов поцарапало осколком мины икру, не страшно, боец остался в строю. Сержант знал самое главное — то, что осталось еще преодолеть, то, что командир батальона выразил откровенно и коротко: «Удержать лощину трудно, но отдать ее просто нельзя. Понимаешь? Нельзя! Потеряешь лощину — лучше ко мне не показывайся».

И вот взвод в лощине. Она тянется на высоту. Фашисты ведут по ней бешеный фланговый огонь. Впереди еще держится небольшая

группа нашей пехоты. Сержант понимает все. Будет атака. Атака начинается шквалом артиллерийского и минометного огня, потом пауза, и гитлеровцы идут, их много, они с автоматами, сержант видит их в перископ, их намного больше, чем наших, немного, немного. Впереди молодые бойцы-пехотинцы, им трудно, их потрепало снарядами, минами, теперь в них хлещут из автоматов, и сержант видит, что им не выдержать, командиры вышли из строя, группа отходит почти в беспорядке. Некому управлять боем, и сержант-минометчик берет управление боем в свои руки. Он еще не сознает этого, он делает то, что нужно делать человеку с головой в такие минуты: бросается навстречу бегущим, заставляет почувствовать в себе командира, заставляет опомниться. Лопаты! Рыть! Круговую оборону по всей ложине. По одному пулемету в обоих ее концах, вверху и внизу, в центре — стрелки, и, пока лопаты роют, минометчики сдерживают врага беглым огнем, заградительным.

Вторую волну атаки сержант встретил винтовками, пулеметами, роем мин. Пятые и шестые номера минометчиков также били из винтовок, но нацисты шли и шли, в голове сержанта стучали последние слова командира батальона, и они подошли на сто метров. И дальше они не прошли. Сержант смог показаться на глаза командиру. Их часть стала гвардейской.

Сергей Запхаев получил медаль «За отвагу» и звание младшего лейтенанта. Шла осень, и с нею дожди и горечь нашего отхода, младший лейтенант с минометчиками прикрывал отход своей части. Он попал в окружение. Он дрался в окружении. Он вышел по звездам и компасу, вышел к своим. Ему поручили формировать подразделение минометчиков, он сформировал его за две недели и стал старшим адъютантом командира, капитана Леонтьева.

Капитан научил его многому — составлению донесений и оперсводок, умению составить план боя и провести его до конца. Он говорил Сергею: «Учись, пока я жив!» И улыбался при этом. Вчерашний боец учился, и настала зима под Москвой, мы перешли в наступление. В пятидневном бою под Гончаровкой, в час штурма, капитан приподнялся в сугробе, и фашистский снайпер достал его пулей из-за снежного вала. Штурм продолжался, наши прорвались сквозь линию дзотов, зацепились за первые избы, втянулись в уличный бой. Стоя у моста, Запхаев помогал управлению боем, передвинулся к первому дому, сквозь ливень пуль на крыльцо с брошенным пулеметом, в двери и через труп вражеского солдата к разбитому окну. Из окна он увидел, как гитлеровцы отходят, по ним вели прицельный огонь — насмерть, наверняка — за капитана Леонтьева.

Наступила весна. Гвардии лейтенант Сергей Запхаев командовал подразделением. В бурном разливе реки он участвовал в невероятно трудной атаке на высоту, под сильным огнем переправился на тот берег, чтобы приблизить огневые позиции к неприятельскому очагу

обороны, на 900 метров. Тут настигла его контратака, на переправе — фашисты прижимали наших к бурной весенней воде, к верной гибели. Гвардии лейтенант вышел из положения, открыв минометный огонь прямо с ходу, до прибытия на огневые, и берег остался за нами, хотя гитлеровцы подходили на расстояние в двадцать метров. На следующий день бой продолжался, памятный апрельский бой, когда фашисты провели трехчасовую артиллерийскую подготовку с бомбежкой тридцатью самолетами и снова бросились в контратаку, и повторили ее четырежды за тот оглушительный день, и убралась, наконец, от реки, избитые, измятые нашим огнем, с потерянной надеждой на выигрыш боя, хотя было у них в том бою абсолютное превосходство сил.

Свой опыт Запхаев дополнил расстрелом вражеского воздушного десанта — еще в небе, до приземления. Нравится ему, что при этом одна из мин свалила на землю фашистский транспортный самолет, — большая удача!

В армию бывший машинист кислородного цеха пришел рядовым бойцом. Теперь он командует гвардейским подразделением. Тихий и молчаливый, Сергей стал человеком войны, прошел сквозь весь ее грандиозный опыт, от роли бойца до громадной ответственности командира подразделения. Однако он продолжает учиться — в боях. О нем говорят:

— Бесстрашен, спокоен, но порою входит в азарт. Сам берется за миномет, не выдерживает. Ну, и верно — бойцом был недавно...

Может быть, и так.

Но не справиться теперь гитлеровцам с таким человеком, с такими людьми, выросшими в боях.

1942 г.

ВЫШЕЛ НА БОЙ СТАЛИНГРАД

В начале сентября 1942 года я на попутном самолете отправился на юго-восток, к действующим войскам Сталинградского фронта, который вскоре в северной своей части отошел к Донскому под командованием хорошо нам знакомого генерала К. Рокоссовского.

Я вынимаю сегодня старые блокноты того времени, перебираю сошедшие страницы, и мне кажется, что не от времени они пожелтели, а от невыносимого жара сражений на подступах к Дону и Волге. Там гитлеровцы стремились любой ценой перерезать, оборвать коммуникации, соединявшие центр страны и Москву с Кавказом и нижней частью Поволжья.

Гитлеровцам была страшна наша степь. Казалось, кати и кати железной лавиной. Нет, степь ощерилась пушками, минометами, танками, огневыми точками. В Севастополе были хоть укрепления.

Здесь — земля и земля, плоская, беззащитная... Но появишься фашисты — она изрыгает огонь. Это русская земля! В степи фашистам всюду чудятся форты, крепости. Нет ни крепостей, ни фортов. Есть русские люди, которые не сдаются ни при каких обстоятельствах.

В сентябре я перебрался по левому берегу к предместьям Сталинграда.

...Снова ворочаю страницы старого блокнота. Средняя Ахтуба. Из многих сталинградских своих блокнотов извлекаю главное, обжигающее:

«Второй месяц пылает над Волгой, над Россией, над миром огонь Сталинграда.

28 августа гитлеровцы обрушили на город невероятный и подлый своей преднамеренной жестокостью бомбовый удар. Три четверти города были в огне, в развалинах. Свыше тысячи самолетов посменно бомбили Сталинград. И когда гитлеровцы решили, что Сталинграда уже нет, русский город, измученный, израненный, поднялся и вышел на бой...»

Волга, сердце России!

Что же о ней в моих старых блокнотах?

...Фашисты сбрасывают над городом листовки: «Сдавайтесь!» Листки грязной немецкой бумаги превращаются в пепел еще на высоте в тысячу метров — город на Волге сжигает их своим гордым огнем.

Октябрь 1942 года...

По мере продвижения к Волге все длиннее становятся на дорогах дистанции между колоннами и автомобилями, все чаще попадаете на поворотах и перекрестках короткое слово «переправа» со стрелкой в сторону реки.

До переправы еще далеко, однако новый человек так много слышан о ней, что невольно охватывает его смутное чувство тревоги и нетерпеливого ожидания.

Еще в степи одни говорили, что переправляться нужно только ночью и лучше в лодках, по которым фашистам бить труднее, особенно в дымзавесе. Другие, напротив, советовали дожидаться баржи, она идет дольше, зато мины не причинят ей большого вреда: как бы ни расковыряли ее, а все будет держаться. Третьи рекомендовали во всем положиться на русскую реку, ее смелых паромщиков, матросов, капитанов.

Из всего, что говорили о переправе более решительные или более осторожные люди, из народной молвы, идущей по степным дорогам Заволжья, складывается одно общее, поглощающее все мысли и чувства впечатление: не сама по себе переправа, как бы опасна она ни была, волнует воображение сотен тысяч людей, а то, что река в этом месте отделяет все виденное и пережитое до сих пор на войне от того нового, великого и страшного, имя чему — Сталинград...

Все, что движется навстречу оттуда, со стороны Волги, привлекает

пристальное внимание. На лохматой лошаденке, отчаянно понукая ее, неловко вскидывая локти, проскачет краснофлотец, и вы вспомните, что на днях бронекатера Волжской военной флотилии подошли к берегу, где скопилась большая группа наших раненых бойцов. Проедет на бричке пехотный офицер в зеленом маскировочном костюме с бурыми пятнами, он дремлет, и лицо у него тоже бурое от пыли и дыма, и, видно, вырвался он из такого места, что теперь ему все нипочем, он спит, как бы ни тряслась его бричка.

...Военная дорога не оставляет вас ни на минуту в покое. То она обращается к идущим к Волге войскам: «Смелость — душа победы!» То бросает в моторный гул и рев, в скрежет переключаемых скоростей, в походную страду колонн и обозов: «Водитель! Ты доставляешь боеприпасы защитникам Сталинграда! Не медли! В твоих руках — их жизнь и победа!» И снаряды, мины, патроны, провиант идут безостановочно, днем и ночью, битва поглощает их жадно, сотнями грузовиков, баркасов, баржами, и город в степи становится крепостью.

Чем ближе к берегу, тем строже и лаконичнее лозунги. Снова и снова: «Отстоим Сталинград!». Вы вдруг вспоминаете того пехотного командира, что спал на ходу брички, вспоминаете его умиротворенное лицо. И у раненых, бредущих со стороны Волги, то же выражение успокоенности на лицах, их не испугает и не остановит одиночный взрыв бомбы или снаряда возле дороги. Они видели кое-что пострашней, а здесь-то все для них мир и благодать, покой, они тихо идут по степи и на вопросы встречных о положении в городе отвечают:

— Страсть как жмет! Да ничего, держимся. А ты куда?

— Туда...

Простое слово «туда» звучит у обоих серьезно и строго. Помолчав, раненый говорит:

— Ну давай. Сам увидишь. Смотри не дрейфь. Трусов там не любят...

Впереди проходит целый караван рыбацких лодок на телегах, и вы снова вспоминаете о переправе. Но теперь вы уже стыдитесь прежнего тревожного чувства. После захода солнца быстро темнеет, и тогда со стороны Волги встает над степью воспаленное, багровое, страшное небо Сталинграда.

И уже никто из идущих не может оторвать от него взгляда.

— Это он?

— Он...

Вот и берег. Песок, песок, песок. Он красный от сталинградского зарева. Города не видно отсюда. Виден огонь. Море огня. Дома, улицы будто плавают в медленном пламени. На фоне багрового неба видны темные скелеты зданий, бесформенные массивы разрушенных стен, желтые огненные дыры окон и дверей. Кажется, что там нет и не может быть ничего живого. Но из клокочущего пламени поминутно выпархивают зеленые, красные, белые ракеты, в остервенении

ввинчиваются в небо трассирующие пули, мечутся голубые лучи прожекторов, гитлеровских и наших, шарахаются и вдруг обрываются светящиеся жгуты пулеметных очередей — там люди, там войска, там бой.

Дальше почерк становится прыгающим, нервным. Писал в темноте. Потом привык пользоваться заревом, как лампой. Вспышки тоже помогали выправить непонятное слово: один миг, а светло.

На правой стороне Волги идут приготовления к переправе очередной группы войск и боеприпасов.

Никакой дымовой завесы не нужно, река и так в дыму. Слышны сигнальные рожки, как на станционных путях, скрипят во мгле канаты, стучат конские копыта по деревянному трапу, фыркают заводимые моторы автомобилей, расторопный буксирный пароходик «Абхазец» развернул под погрузку громадную баржу.

Все это делается в кромешной темноте, почти на ощупь. Приказания отдаются приглушенным голосом, и все мы выполняем их поспешно и молча и не можем оторвать взгляда от пылающего, гремящего залпами города. По нашим лицам бродят огненные блики. И вдруг вся масса людей на минуту замирает. Пронзительный вой и треск. Над берегом рвется гитлеровский снаряд.

— По всему берегу шупает. Ничего, скоро заткнется!

Это говорится спокойно, пренебрежительным тоном бывалого человека, но человек еще очень молод. Комлев был начинающим журналистом в провинции, а теперь война направила его сюда, под Сталинград, комиссаром на борт волжского парохода.

Погрузка продолжается под огнем. Волга поддерживает Сталинград своими людьми, матросами, капитанами. Мария Ягупова пришла на буксир работать матросом. Ее ранило в голову. Она отлежалась в деревне, где остался у нее ребенок, и вернулась вновь на буксир. Капитан «Абхазца» Хлынин двадцать шесть лет на воде. Теперь он дерется за Волгу. Пятьсот рейсов с берега на берег, десятки тысяч бойцов, доставленных в бой. Семья капитана осталась в огне, в квартале, захваченном гитлеровцами. Но капитан здесь, рядом, он еще отобьет свой квартал.

Молодой комендант буксира Домарев говорит печально и гордо:

— Я сталинградец.

Комлев добавляет:

— Все мы теперь сталинградцы! Вчера убит мой друг Кузнецов с баркаса «Пожарский». Похоронили мы его на берегу, под двумя тополями. Никуда не уйдем от этого города.

Буксир отдает концы. Нагруженная баржа тяжело отваливает от берега. Через полчаса мы будем там, в огне.

Разговоры стихают. Сосредоточенное и торжественное молчание воцаряется среди бойцов. Гул Сталинграда колеблет воздух над великой рекой. Город скоро примет в свой раскаленный мир новый отряд Красной Армии.

62-я наша армия была отрезана от основных сил Сталинградского фронта. Стремясь прошибить нашу оборону, фашисты нещадно бомбили город, его мирные кварталы, его тихие улицы, площади, сады, школы, больницы, магазины. За сутки 23—24 августа их авиация совершила 2 тысячи самолетов-вылетов. Бомбежка не прекращалась и на следующий день. Город пылал в развалинах и руинах.

К тракторному заводу, легендарному первенцу пятилеток, были подтянуты две дивизии, две бригады, курсанты военно-политического училища, части ПВО, сводный отряд моряков и некоторые другие резервные подразделения.

Неожиданно несвойственную им роль сыграли зенитчики. Выдерживая непрерывные ожесточенные, неистовые удары с воздуха, зенитчики переключились на наземную оборону, заменяя недостающую наземную артиллерию. Они вступили в неравный бой с бронетанковыми частями фашистов. Враг убедился, что для русских, советских солдат и офицеров не существует безвыходных положений. Зенитчики вступили в борьбу на земле. Героически вели себя бойцы 1077-го зенитного полка. Отбивая одну лавину за другой, они подбили в однодневном оборонительном сражении 70 вражеских танков и несколько самолетов. Они сдерживали напор гитлеровцев в воздухе и на суше.

Городской комитет обороны направил на участок вражеского прорыва отряд народного ополчения, истребительные батальоны. Военный совет фронта помог сталинградцам привести в боевую готовность ремонтировавшиеся на тракторном танки. Из всех этих полугражданских сил был создан северный боевой участок. Дрались с наседавшим врагом слесари, токари, учителя, курсанты, будущие комиссары. Они бились с профессионалами-убийцами, подмявшими под себя всю Западную Европу. И там, где было невероятно тяжело, они выстояли.

Восемь тысяч добровольцев Сталинграда влились тогда в состав наших войск. Утром 29 августа войска северного участка перешли сами в наступление. Это было безумие, с точки зрения до зубов вооруженных фашистов. С точки зрения наших бойцов, это был здравый смысл. Гитлеровцы не верили своим глазам: мирные недавно люди своим неистовым напором выбили их из Рынка и отбросили к северу на 8 километров. Так началось многодневное сражение, по существу, в самом Сталинграде, длившееся 125 дней.

В течение двух месяцев я был тогда в Сталинграде и, признаюсь, считал чудом возможность удержать Сталинград в наших руках. Ведь гитлеровцы бились в самом городе, на центральных и окраинных улицах Сталинграда. В руках у фашистов все подходы, громадные площади степей для маневрирования и перестройки войск. А мы, по существу, отошли к реке от центральных улиц, прижаты к Волге,

цепляемся за прибрежные развалины, за песчаные прибрежные склоны, а позади нет места для маневра, позади — вода, Волга, вздыбленная бомбами и снарядами врага.

Я снова роюсь в старых блокнотах:

«Прошло два месяца с тех пор, как бой вошел в израненное, обожженное, но все еще живое тело города. Нож войны гитлеровцы пытались вонзить в самое его сердце и приготовили барабаны, чтобы праздновать его смерть. Теперь они хоронят своих барабанщиков. Русский город восстал из праха, пепла и крови, вышел к предместьям, стал на краю Волги и повалил врага в развалины, бункера, в окопы, подвалы, щели.

Тесно войне в Сталинграде. Участки обороны зажаты в грудах камня, в развалинах. Война вошла в теснину Сталинграда со всем своим чудовищным багажом — с танками, батареями, полками, бригадами, дивизиями, и все вокруг перемолото ее жерновами.

Что там, впереди? Груда камня? Нет, там держатся бойцы генерала Чуйкова, герои 62-й армии, там солдаты Родимцева, чей штаб ютится в железной или бетонной трубе.

Оглядываясь на эти необозримые пространства, отвоеванные нашей армией, историки с изумлением будут изучать и те отдельные участки фронтов, которые измерялись не десятками километров и даже не километрами, а всего лишь сотнями метров...

Такой участок фронта был в Сталинграде, там, где солдаты генерала Чуйкова и гвардейцы генерала Родимцева стояли насмерть на узкой полоске волжского песка, на скатах прибрежных холмов. Штаб дивизии, разместившийся в бетонной трубе под землей, находился от врагов на расстоянии винтовочного выстрела, а позади была только вода.

Волга, священный рубеж, и этот рубеж не отдали бы врагу, если бы пришлось даже живым своим телом преградить путь неприятельским танкам.

И этот рубеж не отдали.

Семьсот метров.

Вода и песок...

А фашисты — на гребнях высот, на крышах многоэтажных прибрежных домов, они в оврагах и балках, в подвалах, в каменной толще города, маневрируют на окружающих город дорогах, группируют новые и новые ударные части, сотнями танков грызут тонкую линию нашей обороны, сотнями бомбардировщиков долбят наши укрытия и не могут прорваться, хотя защитники Сталинграда прижаты к самой воде, лишены свободы маневра, вцепились в зыбкий волжский песок.

Непонятная, страшная для врага сила воплотилась в этих метрах нашей обороны у Волги так же, как ранее воплотилась она в линии нашего фронта под Москвой, под Ленинградом.

Они стали адом для гитлеровцев.

В ноябре 1942 года корреспондент «Берлинер берзенцейтунг» угрюмо вещал:

«Борьба мирового значения, происходящая вокруг Сталинграда, оказалась огромным, решающим сражением. Участникам борьбы за Сталинград известны лишь ее отдельные ужасные детали, в то время как они не могут оценить ее во всем объеме и предвидеть ее конец. У тех, кто переживет сражения, перенапрягая все свои чувства, этот ад останется в памяти навсегда, как если бы он был выжжен каленым железом. Впервые в истории современный город удерживается войсками вплоть до разрушения последней стены...»

Сталинград не сдавался, Сталинград победил.

Рабочие тракторного завода, ушедшие из цехов добровольцами в армию, вспоминали, как на берегу Волги оборонялся один батальон. Был день, когда на участок в полтора километра фашисты сбросили две тысячи бомб. В такие часы исполинским звукам войны тесно в городе, они шарахаются от стены к стене, набухают, разрастаются от ударов о камень и вдруг обваливаются на человека с воплем, от которого сознание рушится, гаснет.

Затем пошли в наступление вражеские танки. Они шли, будто на кладбище, — кто мог уцелеть, кто мог драться на клочке земли, на который ударила авиация целого фронта? Танки подошли к этой дымившейся, развороченной, истерзанной бомбами земле, и она ожила — бронебойные пули, гранаты, бутылки с зажигательной смесью полетели в них из груды раскаленного камня, из уцелевших укрытий, покрытых пеплом и прахом, из самых недр приволжской земли, которую враг считал уже мертвой, как кладбище.

Батальон держал оборону.

И много было подобных атак, много бойцов вышло из строя, сил не хватало, погиб и командир батальона. И те, кто остался в живых, казалось, уже пали духом, держаться вроде бы уже невозможно. Тогда поднялся с земли один из бойцов, Илья Беликов, раненный, перевязанный окровавленными бинтами, и на глазах товарищей медленно пошел к берегу. Его шатало от боли, он упал несколько раз, но снова поднимался, сначала на колени, потом во весь рост, и шел к Волге. Все следили за ним, казалось, у этого человека, потерявшего столько крови, помutilось сознание и он бредет, сам не зная куда.

Он шел к единственной лодке, оставшейся на берегу.

И тогда многие подумали, что контуженный боец решил переплыть Волгу на лодке, уйти из этого ада. Товарищи уже бросились к нему, чтобы остановить, потому что в скором времени должен был прийти сюда катер за ранеными и тогда Беликова спокойно перевезли бы на тот берег. Но он, видя бежавших к нему, быстро оттолкнул пустую лодку от берега, пустил ее по течению, а сам остался и крикнул подбежавшим товарищам:

— Того берега для нас больше нет!

Всю ночь Беликов ходил по батальонным укрытиям и окопам, заползал в ямы и в расщелины между камнями разбитых домов, где сидели бойцы, и тихо, ласково, совсем по-домашнему говорил с каждым из них. Одним он говорил, что вот командир батальона убит и теперь каждый должен по мере сил заменить его личной отвагой, других расспрашивал о семье, о женах и детях и мечтательно рассказывал, как бойцы вернутся к своим семьям прославленными героями, в орденах и медалях, а тем, кого знал хорошо, советовал просто держаться и завтра, как держались они все дни до тех пор.

Он никого не забыл, добрался до каждого и так ползал по укрытиям всю ночь, когда многие из бойцов забылись тяжелым сном, а наутро, затянув покрепче ссохшиеся на ране бинты, сам добрался до старого своего укрытия и, приготовив гранаты, стал ждать вражеской атаки. И эта атака пришла, самая жестокая из всех, но и самая нерасчетливая, потому что гитлеровцы тоже устали и, может быть, поглупели от злобы, шли очертя голову — и батальон, вернее то, что называлось когда-то батальоном, снова выстоял. Выстоял, помня слова солдата:

— Того берега для нас больше нет!

Я видел старика, он шел через площадь, не сгибая головы, не оглядываясь. Упал снаряд, разорвался, все заволело дымом. А старик как шел, так и шел, постукивая палочкой.

— Эй, дядя,— крикнули ему.— Что же ты не хоронишься? Железный?

— Железный,— ответил старик.— Я теперь верно железный. Меня уж один раз убили.

Помолчав, он добавил:

— Сына моего фашисты погубили. Там, под городом. Теперь пусть они от меня хоронятся.

— Где воюешь? — спросили его.

— Сторожем при заводе.

Постукивая палкой, он побрел дальше к своему заводу, к продырявленным стенам, к которым пришел в самый страшный для города час, заменил молодого и стал с ружьем у ворот.

Заводы вошли в линию фронта, они под огнем. Никто не уходит, никто не тушит печей там, где они еще могут пылать. Тракторный в трудную для города пору поднял всех людей — стариков, женщин, юношей, созвал их к цехам, и они работали двадцать четыре часа под бомбежкой, и многие были убиты, другие ранены: завод нес потери, как фронт, дрался, как солдат. Через сутки люди, стоявшие у станков, бросили на рубежи обороны двести собранных, исправленных пушек. Рабочие сами тащили их в бой. Не хватало орудийных расчетов, и бывалые мастера-оружейники вышли на огневые позиции, стреляли из собственных пушек. Фашисты поняли, что такое глубина обороны в Сталинграде.

Бой идет на лестничных клетках, в подвалах, в оврагах, ярах, на курганах поменьше Мамаева, и немцы сотнями пушек, танков не могут прогрызть дорогу к победе.

Гитлеровцы гонят дивизию за дивизией: у них много дорог, и в степи есть место для новых могил. Дивизии приходят и вымирают под нашим огнем, и гниют в земле фашистские барабанщики, которых везли на парад. А город стоит, в развалинах, в пепле, но живой, стеной стоит на берегу, а за ним — Волга.

Ни фортов, ни бетонных укрытий. Линия обороны проходит через пустыри и дворы, где хозяйки недавно развешивали белье; через дом, где жил бухгалтер с женой, двумя детьми и старухой матерью, через десятки таких домов; через пустынную теперь площадь с выкорчеванным снарядами асфальтом; через заводской двор, где орудуют оружейники, через сад, где нынешним летом шептались на скамейках влюбленные.

Город мира стал городом боя.

Законы войны поставили его в центре фронтов, трех наших фронтов, в точке, где развернулась борьба, во многом влияющая на исход войны. Линия фронта проходит здесь через сердца советских людей. Что это значит — фашисты узнали, испытали на своей шкуре. Они бормочут: Верден! Нет, это не Верден. Это новое в истории войн — Сталинград!►

И РАЗЖАЛАСЬ ПРУЖИНА КУРСКОЙ ДУГИ...

Это было в 1943 году. Стояло славное русское лето. В районе Курска войска долго стояли в бездействии. Работали главным образом разведчики да интенданты. В окопах и штабах, признаться, скучали. Никто не хочет смерти, но томительное затишье тоже немилы людям: фашисты рвались к центру России. Всех обуревало яростное желание отбросить врага подальше от русской земли.

Гитлер мечтал воспользоваться тем обстоятельством, что в районе Курска наш фронт выдавался большой дугой на запад. Гитлеровцам до смерти хотелось обрезать выступ у самого основания, взять нас в мешок и раздавить, смять, уничтожить большое число русских дивизий, артиллерийских соединений, танковых частей, складов, припасов.

Казалось, ловушка для нас приготовлена хитрая. Над советским фронтом нависла реальная и грозная опасность. В немецких полках и дивизиях накопилась прорва боеприпасов, провианта, орудий, снарядов, да и рома хватало, и чемоданов для трофеев, и ночных пропусков для хождения по ночам по улицам русского города. Шепотом офицеры повторяли названия новых чудовищных машин: танки «тигр», «пантера», самоходные орудия «фердинанд». То были фавориты гитлеровских оружейников. Броня у них толстая, моторы сильные. Русским не устоять.

В наших штабах знали о нависшей угрозе. Этот выступ сам просится противнику в руки. Курск, казалось, обречен.

Наши разведчики охотились за «языками». Трудное было дело. Фашисты окопались, обложились минными полями, их аккуратность, осторожность и бдительность утроились. Редко удавалось притащить солдата или офицера. Да и толку от захваченных было мало. Они или бормотали лицемерно «Гитлер капут», или вызывающе молчали в ответ на все вопросы. Однажды пленный заговорил. То ли страх, то ли честность заставили его признаться: готовится большое наступление. Скоро. Быть может, первого или третьего июля. Потом еще один пленный заговорил. С его слов записали: пятнадцатое июля.

Кому верить? Тут многое решалось. У нас накоплено было немало оружия для ответного удара. Но когда предстоит его применить? Когда вступить в бой, чтобы не растратить преждевременно боевые машины и снаряды?

Еще один пленный выдал сквозь зубы: пятое июля!

Командующий Центральным фронтом К. К. Рокоссовский по целому ряду обстоятельств поверил этому человеку. С востока в расположение наших войск прибывали колонна за колонной новые танки, новые орудия, свежие полки и дивизии. Курский «мешок» был набит туго.

Константин Константинович Рокоссовский, с которым мы знакомы были хорошо еще после сражения под Москвой, решил пойти на смелый риск. Начать наступление первым. Опередить гитлеровцев с артиллерийской подготовкой. Наша подготовка требовала солидной порции снарядов: триста вагонов! А если пленный солгал? Если немцы не предполагают наступать в тот день и в тот час? Бросить в воздух впустую триста вагонов снарядов, когда каждая тонна металла на вес золота... Ставка этого не простит даже прославленному герою-полководцу.

Трудная была ночь у Рокоссовского и его штабистов. Но в конце концов командующий приказал: делать, как задумано.

Рано утром земля дрогнула. Небо заволочло огнем. Шелестя в воздухе, рванулись на немецкие позиции сотни тысяч снарядов. Горизонт опоясался дымом. Взлетали на воздух фашистские батареи, наблюдательные пункты, укрытия, блиндажи, склады снарядов.

Фашистская артподготовка была сорвана. Канонаду пушек, коверкая аккуратные немецкие планы, пришлось заменять налетами бомбардировщиков на советский передний край. По тылам, где подтягивались свежие наши войска, действовать фашистская авиация уже не могла: не хватало самолетов. Блистательный план Гитлера, треща, проваливался в эти минуты.

Но танки, танки... Пресловутые «тигры» все же уцелели у немецкого командования. Сотнями, черной тучей они шли в на-

правлении наших позиций, кое-где прорывали фронт, устремлялись к тылам, грозя разъединить советские пехотные части, нарушить доставку боеприпасов, ударить по нашим штабам.

По обе стороны от Курска разыгралось небывалое в истории войн танковое сражение. Танки шли лоб в лоб — фашистские и наши. Земля тяжела от металла. Броня раскалялась от убийственного удара снарядов. Но как ни хороши были новые немецкие танки, тут же выяснилось, что они так же хорошо горят, как прежние.

Теперь стало известно, что Гитлер в это лето сорок третьего готовился к захвату Британских островов. Но когда: до или после Курской битвы? На Востоке он явно просчитался, поражение на Курской дуге спасло британцев от вторжения. Вот почему с таким интересом изучали английские кинематографисты советские газеты 1943 года, а затем поставили фильм «Тигры» горят». Название они заимствовали из очерка Виктора Полторацкого в газете «Известия», «Люди и «тигры» — так называлась моя корреспонденция, также использованная англичанами. Мы писали правду.

* * *

Июньское затишье никого не обмануло. Наши траншеи в июне 1943 года бойцы украшали цветами. Цветы в окопах были выращены любовью к той пяди земли, которую боец будет защищать, гордостью за свой участок фронта и свое могучее оружие. В первые же минуты наступления фашисты увидели, что за цветами в русских траншеях есть огонь, который пожирает их танки.

Враг бросил на узкий участок до 400 танков. Когда-то таким танком можно было расколоть фронт. Зловещие отзвуки такого удара мгновенно распространились на большом пространстве. Спокойную силу нашего фронта я почувствовал, когда увидел поблизости от грохочущего района боев красноармейцев, помогавших крестьянкам на сенокосе.

Боя ждали, к бою готовились. Гитлеровцы рассчитывали на внезапность своего удара. Они надеялись на хитрость своих обманных, отвлекающих ударов. Но на всем протяжении фронта не было такого куска земли, где бы их не встретили ответным ударом. Враг хотел парализовать нашу оборону превосходством сил, собранных в один кулак и долбящих в одну точку. Но фашистский кулак теперь обливается кровью.

Трудные бои кипят на фронте. Не может быть легким бой, когда на узкий участок фронта после свирепой артиллерийской подготовки и бомбардировки с воздуха бросаются сотни танков. Наши воины научились драться.

На участке сражения фашисты начали наступление ранним утром. Тихая безветренная ночь была взорвана неистовым ревом пушек.

Танки с двумя ротами пехоты пошли в атаку. Атаку отбили. Но это была лишь видимость наступления. Через 30 минут враг повторил артиллерийскую подготовку в другом месте и здесь-то обрушил на наши траншеи главный на этом участке удар.

Кто сидел в окопе, оглушенный ревом танков, извергающих огонь, тот знает, что значит такая атака. Но наши бойцы ее отбили. Тогда десятки вражеских самолетов поднялись над нашими позициями. Бойцы выстояли. Гитлеровцы дважды повторяли бомбардировку с воздуха. Бойцы остались в траншеях. Враг провел вторую артиллерийскую подготовку, и все же бойцы выдержали и своих позиций не отдали.

Никто не преуменьшает трудности этого дня. Два командира, майор Швендик и старший лейтенант Сердин, весь бой провели в траншеях рядом с бойцами, вели огонь по вражеским танкам. Они помнили уставное правило, по которому командир обязан управлять боем с командного пункта. Но они знали также, что в исключительных случаях надо быть среди бойцов. Десятки танков, рвущихся на одну траншею, — это бой исключительный. И два командира вышли из своих блиндажей и пошли к бойцам.

Это было трудное место. Фашисты вклинились было здесь в нашу оборону. Минерам поручили закрыть брешь минами. Вражеские танки уже рвались сюда, и не было перед ними преграды. И тогда на виду у гитлеровцев минеры заложили свои мины. Враг потерял здесь 32 своих танка.

7—8 июля наступающие фашистские солдаты искренно удивлялись: их брали в плен.

— Что вы делаете? — спрашивали они. — Вы сами окружены. Курск уже в наших руках!..

Так им говорили офицеры: надо же как-то подбодрить людей, гонимых туда, где не могли пройти тысячи гитлеровских танков. Еще через день пали духом и офицеры. Одного из них спросили, почему в последние минуты он прекратил сопротивление и поднял руки. Он ответил, негодуя:

— Разве это война? От моего батальона осталось сорок человек!

Пятнадцать германских танковых дивизий пытались сдавить и сломать дугу нашего фронта вокруг Курска. Дуга выдержала тяжелое давление и вдруг разжалась, как стальная пружина, — от обороны наши войска перешли к наступлению.

Паузы почти не было. Пружина разжалась мгновенно. Гитлеровцы едва успели окопаться, переходя к обороне, и тут же на них обрушился вал нашей артиллерийской подготовки. Бомбовыми ударами русское небо давило их в землю. Они бросались в контратаки, но тут же нарывались на русские минные поля, передвинутые под огнем вперед.

Пожалуй, впервые с начала войны фашисты приуныли, не видя в воздухе своей авиации. А наша пехота аплодировала красно-

звездным штурмовикам. «Ильюшины» с пикирования вонзали бомбовые, пушечные, пулеметные залпы в фашистские траншеи переднего края, настигали «тигры» и «фердинанды» на ближних и дальних дорогах, расшвыривали и кромсали скопления фашистов в лесах. Все вокруг грозило гитлеровцам смертью, все двигалось, давило, жгло немецкую сталь. И снова на русском фронте вражеский солдат, привыкший к легким победам в Европе, проходил старую науку войны — его учила смерть.

На высоте, где еще ложатся разрывы снарядов, линии окопов фашистов, забитых брошенными патронами, ружьями, сумками. Земля здесь взъерошенная, тяжелый плуг войны прошелся по ней, вывернув воронками пласты чернозема. Она еще дымится, горячая земля недавнего боя. В одном из подбитых «фердинандов» пристроился передовой наблюдательный пункт артиллеристов. В железное нутро самоходной пушки проведен телефон, полковник передает оттуда приказ перенести огонь вперед — дымный вал атаки прокатился еще дальше.

Мимо «фердинандов», не обращая внимания на разрывы снарядов, мирно понукая полковых лошадей, проезжая на повозках, ездовые везут патроны и провиант, все что нужно людям в бою.

— Ишь ты, видно, правильно артиллерия счет ведет, — говорит один из ездовых и показывает цифру на одном «фердинанде» — 501.

Намалеванную гитлеровцами цифру поправил наш снаряд: единица смята пробоиной.

— Стало быть, одной фашистской хреновиной меньше стало, — говорит ездовой.

— Точно, — отвечают минеры.

Хорошенькие регулировщицы отмахкой флажком указывали солдатам путь на запад, к новым рекам и рубежам. Штабисты вытаскивали новые карты, о которых и думать забыли. Карты, на которых были Днепр, Неман, Висла, границы Германии. А на других маячили Восточная Пруссия, Кенигсберг, Берлин...

Не забыть то пламенное лето. Оно вернуло нам уверенность, дерзость. Мы уже издалека видели конец войны. Знали, что на стенах рейхстага появится надпись: «Солдат из-под Курска!»

НА ОСТРИЕ ПРОРЫВА

В 8 часов 10 минут утра изба, в которой мы ночевали, стала тряситься. Задребезжали стекла, зашевелились бревна.

— Большие барабаны начали бить.

Часто приходилось мне слышать нашу артиллерийскую подготовку, но всякий раз она производит все то же будоражащее, ни с чем не сравнимое впечатление.

В 8.10 утра разрядился тот многодневный круглосуточный процесс накопления энергии, который вздымался и ширился на всех дорогах непрерывным движением автомобильных колонн, поездов, эшелонов, тягачей, пушек, танков, снарядов.

Проходит час, и мы видим первые партии пленных. Какой же у них растерянный вид! Они идут, как слепые, спотыкаются, падают — они еще не верят, что уцелели. Все сдвинулось и перевернулось в сознании этих солдат. На допросе они бормочут:

— Что случилось? Ведь наступали мы! Нам приказано было вернуть Киев. Гитлер дал для этого первый срок — 26 ноября. Когда читали его приказ, нас поставили на колени, и мы дали присягу, что Киев вернем!..

На этот раз их поставил на колени не приказ Гитлера. Их поставил на колени наш солдат.

Был канун рождества. В блиндажах и землянках врага приготовлены были к сочельнику елки и батареи винных бутылок. Елки загорелись, и бутылки стали сами откупориваться несколько раньше — с помощью русских снарядов. Исполнинский огневой налет длился пять минут и затем без паузы сменился огнем на подавление.

Плотную к разрывам шла за огненным валом атакующая пехота. Она шла в чудовищной хляби, в холодной грязи. Накануне ударила оттепель и распустила снега на полях. Снег падал с неба вместе с дождем. Шинели пропитались влагой, валенки набухли водой и пудовой тяжестью повисли на ногах. И бой шел в болотах, в топи, в пойме гнилой речушки. И сырость проникала к самому сердцу бойцов, но они продвигались в темпе летних атак, не отставая от танков.

— Что за народ! — говорил мне полковник Якубовский, командир танковой бригады. — Я на первой минуте начал эту войну и на третьем часу был ранен, я знаю, что такое война, и я говорю вам, что если наш солдат был хорош и в сорок первом году, то теперь ему просто цены нет. Смотрите, ведь грязь ему через голенище в валенки прет, заливает всего, нитки сухой на нем нет, а как идет, только команду успевай подавать. Золотые люди! Мои танкисты не нахвалятся ими, а ведь они вечно соревнуются с пехотинцами, им можно поверить.

Один из танков застрял на переправе. Лейтенант Старостин, командир танка, не выдержал и бросился в атаку пешим. С автоматом в руках он влился в цепи пехоты и, увлекая за собой остальных, шел впереди. И в трудные минуты веселая ярость Старостина захватывала всех, кто видел его. И трижды его цепь подымалась под жестоким огнем и снова продолжала атаку. Он был ранен в живот, его вынесли из огня на руках, но дух героя вселился в других и с ними остался в бою.

Есть город на Украине, и в нем были оккупанты. Город считался глубоким их тылом, жили в нем интенданты, чиновники из Берлина,

жили удобно, обзавелись пуховыми перинами, обложились подушками, обставились диванами, креслами, и в этот перинный рай грохот войны не доходил, звуки тонули и вязли в пуху.

Русские танки распорили грандиозную перину этого райского гитлеровского тыла. Они появились внезапно, перемешав во вражеских штабах всякое представление о времени и пространстве. Интендантов не успели даже предупредить, интенданты выскочили из города впопыхах, а их склады остались, и только на станции еще продолжалась лихорадочная погрузка мешков, ящиков, бочек. Тридцать семь эшелонов, готовых к отправке, стояли в ожидании паровозов, когда на окраине города появились три первых танка и маленькая группа пехоты на них, сорок бойцов.

Это было далеко от линии фронта, где фашисты еще пытались держаться. Несмотря на панику первой минуты, враги все же сохранили способность считать хотя бы до трех и считали, не веря своим глазам: три танка, только три, и с ними горсточка автоматчиков. Гитлеровцы решили, по-видимому, что в танках сидят сумасшедшие, — нельзя же брать такими силами город. Они вытянули на соседнюю с городом высоту свои самоходные пушки, обстоятельно готовились к бою, но танки уже выскочили в район станции, снесли тремя снарядами вышку водонапорной башни и наблюдательный пункт противника вместе с нею, ослепили вражескую артиллерию, врезались в столпотворение погрузки, разметали в стороны охрану, закрыли выход для тридцати семи эшелонов и пошли маневрировать по городу в ожидании подхода основных сил.

И они продержались, три первых танка лейтенанта Михаила Тищенко, и то, что гитлеровцы сочли сумасшествием, было хорошо рассчитанной дерзостью советских командиров. Тридцать семь эшелонов так и остались в наших руках. Городская электростанция не только не была взорвана, но стояла с работающими котлами, включенными рубильниками, и лампочки исправно горели в домах.

Идут по земле Украины советские танки. Нет пути, нет дорог для машин. Весна, осень, зима перепутались, перемешались в мартовской непогоде, и лед не держит на реках, а советские танки проходят на запад. Теперь один их вид внушает фашистам ужас. И дело не только в броне. Ее хорошо делают на Урале, в Сибири. В танках сидят, танки ведут в наступление люди — их хорошо воспитала наша страна.

До прихода в армию Михаил Тищенко, ныне Герой Советского Союза, был бригадиром колхоза на Черниговщине, перед войной служил в артиллерии. В 1941 году его направили в военное училище в город Бобруйск. Он прибыл в училище в субботу. Прошла одна ночь, в воскресное утро уже лилась кровь на границе, фашистская авиация появилась над нашими городами. Гитлер начал войну. 22 июня 1941 года курсант Михаил Тищенко начал проходить курс наук не в училище — в суровой школе войны. С 45-миллиметровым оружием

он вошел в бой, и ведет этот бой третий год, и в ходе войны стал танкистом, и теперь командует танковой ротой на Украине.

Хорошая школа. Для победы нужна не только прочная броня — нужен прочный, железный характер. Вот одна из ночей лейтенанта. Идет дождь, как вчера, как месяц назад. Ждать погоды нет времени, мы наступаем. Ночью танки входят в узкое горло прорыва — один километр ширины, первая пробоина в линии вражеского фронта на этом участке. Танки идут в темноте. Этого не умели в лучшие свои времена гитлеровские вояки. Это русский маневр, ночной танковый рейд.

Танки проходят через завалы, заграждения, проходят ночью, потому что путь заранее разведан, изучен вплоть до каждого поворота, чтобы командир мог вести свою группу вслепую, внутренним зрением. Михаилу Тищенко 25 лет. У него голубые глаза, светлые волосы, простой, незлобивый характер, он совсем еще юноша в своих привычках и взглядах, в манере держаться, но у него за плечами почти три года войны. Он ведет свои танки во мгле. Он должен вырваться к предместью большого города обходом, с западной стороны. Он идет по вражеским тылам.

Лейтенант со своей группой появляется у предместья в тот неприятный и неудобный для фашистов момент, когда они сгружают с железнодорожных платформ колонну своих танков. Некоторые из этих машин уже на ходу и к бою готовы, и нужно помешать сгрузить остальные, в этом замысел всего рейда. Гитлеровцев нужно связать ночным боем в их же тылу и держаться долго, как можно дольше, это облегчит наше наступление с фронта.

Но сил здесь у врага значительно больше.

Лейтенант, сидящий внутри железной коробки, думает, что ему делать. Он думает довольно долго, минуты две. Он приходит к заключению, что в неравном бою может использовать только одно преимущество — время. Внезапно для врага его танки открывают огонь с малой дистанции, и первые минуты все идет хорошо, очень хорошо, но потом гитлеровские ракеты просверливают во мгле рваные полосы света, холодного, мертвенного, и теперь наводчики знают, куда им бить. Стреляет все, что только может стрелять, — орудия танков, полевые пушки, и все это по советским танкистам. Ночь в тылу противника разряжает все свои запасы огня, пороха, стали.

Лейтенант руководит ночной артиллерийской дуэлью. Ему некогда горевать и отчаиваться, когда он видит, как несколько его танков загораются и в них гибнут товарищи. Тищенко в эти минуты существует только как офицер, командир. Он существует как мозг боя. Иначе он погубит себя и всю группу. Здесь ему никто не сможет помочь, он во вражеском тылу.

По радио он командует своей группой и видит, что его хорошо понимают, видит, что не может быть в бою лучших товарищей, чем те,

что сидят в других машинах, и сам одновременно с ними ведет бой своим танком и успевает заметить, как танк лейтенанта Кучина подвергается неожиданному удару — из темноты на него наползает тяжелый, медленный, грузный «тигр». Враг первый откроет огонь, и Кучина с его танком больше не будет.

— Кучин!.. — кричит Тищенко в микрофон и сам наводит орудие на «тигра», но предупредить Кучина он уже не успеет: времени для первого выстрела у Кучина не осталось, башню не развернешь в последний оставшийся миг. Проходят две-три секунды. Кучин не успел и не мог успеть выстрелить. Он сделал другое. Он предупредил выстрел «тигра» и пошел на него тараном. Он ударил по броне всей тяжестью советской брони, всей силой советского мотора, всей своей тяжелой солдатской злобой.

Тищенко видел пламя. На большее у него не было времени. Он видел пламя: два танка вспыхнули, вражеский и наш. Это было одно мгновение боя. В следующую минуту внимание Тищенко принадлежало уже не Кучину, другим. Лейтенант не мог, не имел права отвлекаться, как бы дорог ни был для него этот парень, таранивший «тигра».

Тищенко, отбиваясь, упрямо тянул свои танки ближе к станции, чтобы не дать противнику времени на разгрузку всего эшелона, чтобы связать его и бить в том самом месте, где он надеялся снять с платформ новые танки в помощь себе. Тищенко решил бить его в самом уязвимом месте.

Но бой давался тяжело, решение осуществлялось усилием страшным, жертвами, кровью. Несколько танков уже не хватало у Тищенко, лейтенант продолжал тянуть свои силы к станции. И тут снаряд попал в его машину.

Тищенко очнулся на земле, в канаве. Он понял, что башню разбило и его выбросило из танка. Он увидел командира своей машины. У того отбило на руке пальцы, вышибло зубы, один осколок попал в рот через щеку, лицо у него было буквально разорвано.

Надо было держаться. Приказ был держаться во вражеском тылу до утра, облегчая наше движение с фронта. Тищенко поднял себя с земли, именно поднял себя, а не встал, такая смертельная тяжесть была в нем, такой грохот в голове и в ушах, во всем теле. Он не сразу почувствовал, что с ним, но ему неудобно стало смотреть, что-то мешало. Он прикоснулся рукою к лицу, повел пальцем по теплой крови и дотянулся до глаза. Осколки попали в лицо, один из них — в правый глаз.

Лейтенант Тищенко видел одним только глазом. Его шатало, тянуло лечь. Он выругался и вернул себя из обморока, из надвигавшейся мглы. Полуслепой, он выполнял приказ, дрался в фашистском тылу до конца и единственной уцелевшей рацией передавал время от времени:

«По-прежнему... районе станции... буду держаться!..»

Утром пехота принимала от лейтенанта Тищенко вражеские эшелоны, которым он не дал разгрузиться. Пехота принимала от него также склады, которые он не дал увезти.

СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ

На фронте я видел не только дерзких духом, бесстрашных, вызывающе смелых белорусских, украинских, грузинских, русских людей, но и «смирных», как говаривали в старину, подразумеваемая под этим не святую «тихость» схимников, а буйную силу под покровом «тихости», наивысшую скромность, деловитость без хвастовства, храбрость без фанфаронства.

На фронте я встречал действительно тихих и вроде бы благостных солдат, не выпиравших вперед из строя, не вязывавшихся в чужие дела, простоватых с виду, но крепких умом, сообразительных, неторопливо, но споро справлявшихся с трудными делами, отходивших снова в сторонку, не ожидая похвалы и поощрения, умиривших в бою без крика и стога...

Я уже рассказывал как-то об одном из таких людей, бывшем сибирском мельнике, ездоном, холившем свою лохматую лошаденку, медлительном, молчаливом, вполне «партикулярном», «гражданском» с виду. Помню, он предложил неожиданно свою методу добывать муку и хлеб для полка, оставшегося без провианта в пору весенней страшной распутицы 1943 года в районе Курской дуги.

Звали его Андрей Васильевич Лакомов.

— Что же ты предлагаешь? — спросил его интендант.

— А вона — ветряк! Чего стоит без дела? А в амбаре-то — зерно! А колхозники ушли.

— Мельница? Так она же за нашим передним краем, на ничейной земле, под носом у фашистов.

— А пусть хоть под штанами у них. Нам-то что? Пойду и стану молотить зерно.

Растерянный интендант пошел вместе с ездovým к командиру полка. Выслушав интенданта, покосившись на понуро стоявшего Лакомова, тот сказал:

— Вздор! Бессмыслица! Я не имею права так рисковать жизнью людей.

Тут Андрей Васильевич все же продвинулся вперед.

— Ничего тут такого хитрого нет. Ты мне только разведчиков-пластунов придай, пушай они таскают ночью втихую мешки с зерном на мельницу. И всего дела-то!

Интендант, почесав за ухом, начал сдаваться: уж больно тяжелое положение с хлебом. Умоляюще глянул на командира. Тот подумал-подумал, тоже почесал затылок и молча кивнул головой.

— Попробуем одну ночь. Только одну ночь, а там посмотрим! — строго добавил он.

— А что тут смотреть, — отозвался мельник, напялил, как треух, сизую цыгейковую шапку и был таков.

...В течение десяти суток он справно молот хлеб, чаще ночами. Гитлеровцы ошалело в первые минуты глядели на оживший ветряк, а потом с какой-то далекой своей батареей открыли по нему огонь. Днем, когда затихало, Андрей чинил поврежденные крылья. Однажды снаряд или большой его осколок попал-таки внутрь мельницы, разворотил там все, с головы до ног засыпал мукой Андрея Васильевича. А главное — сбил жернова.

Мельник ладил их на место, надрываясь до седьмого пота, и наутро нацисты, озлобленные всем происходящим, снова открыли огонь и пытались взять мельницу вместе с ее хозяином, но их быстро отогнали пулеметным огнем и опять же снарядами.

Словом, в течение десяти дней Андрей Васильевич справно снабжал мукой полковые пекарни, а там и обозы с мукой, с хлебом подошли по обсохшим дорогам, по гатям на топях, и фантастическая миссия Андрея Васильевича была благополучно завершена.

Снова был ездовым, как с родным встретился с забытым своим конягой и снова стал неприметным и тихим, как всегда.

— Награду ждешь?

— А за что? У меня ж специальность такая. Профессия. Мельник.

Но в глазах его блеснули лукавые, озорные огоньки.

Июль 1943 года. Курская дуга. Солдаты Рокоссовского. Вот один из них сидит рядом со мной после невероятного, страшного боя. Ему всего девятнадцать лет. Зовут его Гаврилов Николай Степанович. Несмотря на страшную усталость, открыто и весело встречает ваш взгляд и с готовностью старается объяснить то непонятное, кажущееся непомерным для человеческих сил, для человеческой воли, что только что сделал он и его товарищи, у него одна только просьба — говорить громче: глухота батарейца еще не прошла.

Такой он маленький и такая прелестная чистота светится в его глазах, с такой пылкой преданностью он отзывается о своих командирах и товарищах, называя каждого по имени и отчеству, что вам хочется назвать его Коленкой, как сына. Лицо его и шея, уши в ссадинах и царапинах с запекшейся кровью. Смерть прикасалась к нему осколками вражеских снарядов, но не справилась с ним и ушла.

Что произошло там, в бою? Какой-то участок нашего фронта оказался обнаженным. Пехота к нему не поспела. Остались одни артиллеристы. После бомбовой обработки на уязвимый наш участок

лавиной двинулись фашистские танки. Много их было, десятки, содрогалась земля. Наши орудия открыли огонь. Танки горели, за ними выдвигались новые и новые, били из пушек по нашим орудиям. Наконец Коля Гаврилов с ужасом увидел, что остался возле орудия один. Его товарищи тяжело ранены или убиты. Что он должен делать, что он может сделать, маленький, хрупкий юноша? Не стану рассказывать обо всем, что там произошло. Пусть это воспоминание будет коротким, как время в бою.

Коля решил стрелять из подбитого орудия, один за всех, за истекающих кровью друзей, за убитого командира. Он действовал их волей, их солдатской стойкой ненавистью к врагу. Он стрелял без прицела — прицельное приспособление было сорвано. Смотрел прямо в канал ствола, стараясь забрать в это темное круглое поле тушу идущего на него танка. Трудно одному стрелять из пушки, которую обслуживают в бою шесть человек. Правой рукой Коля вставлял снаряд, ладонью той же руки досылал его. Правой рукой оттягивал курок — и это был выстрел... Шестой снаряд был для танка смертельным. Танк издыхал в жадном воющем пламени, и так как другие наши орудия еще стреляли и делали свое дело, то фашистские танки отпрянули от страшного места, повернули в сторону, уходя от гибели. Тогда только Коля Гаврилов смог пойти туда, куда тянули его вся нежность сердца, вся печаль, заглушенная боем. Он опустился в ровик, где стояли батареи Сальков и Волынкин, пытался перевязать их, но тут новый снаряд поднял пушку на воздух, и Колю взрывной волной швырнуло на землю. Оглушенный, окровавленный, изнемогающий, он один довел, дотащил двух товарищей до медсанбата. Потом только он узнал, что наши артиллеристы, и сам он в том числе, на опасном, обнаженном участке длиной в шесть километров отбили атаку трехсот фашистских танков. Я рассказал об этом во фронтовой корреспонденции и назвал ее так — «Двадцать восемь русских пушек».

...Представляю себе, каким собранным, напряженным и яростным был юноша-артиллерист, спасавший положение на своей огневой позиции, мстивший за своего командира и своих старших товарищей. Но я видел его бесконечно добрым и нежным. Слабая улыбка теплилась на его лице. Да, он победил!

Длинен путь от Днепра до Волыни, до Збруча, пройдено много трудных, кровавых дорог. Много горя и слез видели солдаты в селлах, в домах, в городах, отбитых у смерти, обряженной в фашистский мундир, — и муки сотен тысяч невинных людей, скорбь всей земли украинской вливаются в его жилы, стучат в сердце, воспаляют разум и чувства на бой. Рядовой пехотинец, бывалый солдат, воевавший и в осень и в зиму, держит он ответ за общее дело победы.

На Вольныя встретил такого солдата, одного из миллионов. Степан Суцев, старший сержант. Он сделал самое трудное. Он первым поднялся из траншеи в атаку.

Гитлеровцы были из всех своих пулеметов — в упор, а в траншее наших бойцов было немного, и если не идти им в атаку, то и немногих оставшихся враг мог перебить. Дело решить оставалось одной дерзостью, которая всегда ошеломляет врага. Но кто-то первым должен выйти из траншеи под пулеметный огонь. Этому первому нужно взять на себя за товарищей весь их страх перед смертью, в себе самом убить его до конца и тем поднять остальных. Нет на войне более трудной минуты, и сержант ее пережил.

Потом он вылез на бровку траншеи и пошел, не оглядываясь, в тугую набитый вражескими пулями воздух. Он шел сперва медленно, с трудом ворочая в грязи затяжелевшие ноги, потом, когда услышал за спиной шорох земли под ногами и шинелями остальных вылезавших из окопа товарищей, побежал, уже легче, свободней, страшная минута прошла, за ним поднялись, он вытянул за собой всю траншею.

Атака, невысказанная, непонятная для противника и потому ошеломившая их, помогла сержанту отогнать фашистов с высоты, и на той высоте взвод продержался до прихода подкреплений. Маленькое дело, таких тысячи каждый день на каждом участке советского фронта. Да, но маленькое дело сержанта, овладевшего со своими товарищами ключевой высотой, помогло в результате отбить у врага десять тысяч авиабомб, пять тысяч гранат, двенадцать тонн бензина, винтовки, минометы, патроны. Противник потерял эти запасы оружия потому, что в решающую минуту один человек, сержант Суцев, решил, что он, именно он отвечает за дело победы. Он погиб на гребне высоты, но в последний свой час удержал для полка, для армии, для Родины кусок земли, без которого в том бою невысказанно было добиться успеха.

Что же все-таки произошло? Расчет вражеских штабов был безукоризненно правильным, они все учли, все предусмотрели, омыслили, подсчитали, ничего не забыли, что же произошло?

История помнит русских, суворовских солдат в Альпах, на кручах с оледенелыми склонами, над безднами, на головокружительной высоте, доступной только полету орла, где русский солдат все же вцепился окровавленными руками в камень и в лед, и сам не свалился, и пушки на себе удержал, и прошел за своим полководцем. Альпы Суворова — пример доблести духа сверхчеловеческой, беспримерной. Теперь история записывает такие примеры на многих участках фронта, русской всенародной войны. Немыслимо, казалось, пробиться через леса и болота к Ровно и Луцку, но пробились, никто не ждал наших войск у Тернополя, но они появились.

«Как это оказалось возможным, что произошло?» — мечутся в панике гитлеровские штабисты.

А произошло то, что на любом куске земли, самом малом и трудном для боя, есть в нашей армии такие солдаты, как Степан Суцев, и на них опирается смелая, сильная своей решимостью, окрыленная духом всей армии мысль генералов.

Познакомился я на фронте еще с одним замечательным солдатом — Степаном Кривцовым. Такой же «партикулярный» с виду, в пилотке, шинелишке, кирзовых жестких, стоптанных сапогах, он мало напоминал человека армейского, скорее пожилого крестьянина, хотя бился с противником не хуже других. Неразговорчив был, несмешлив, только порою скользнет улыбка на его лице и тут же скроется. Курит сигарки из махорки, угощает замерзших зимой гитлеровцев-пленных, хотя они ему враги, десять минут назад готовые убить его из автомата. Да, отходчив русский мужик!

«Мужиком» я его называю оттого, что в русском языке нет в этом слове ничего обидного, порою мальчугану кто-то из нас скажет:

— Славный ты мужик! Справный!

Так вот, воевал Степан неплохо. Только, выбирая позицию по распоряжению командира роты, он одновременно примеривался:

— Под клевер хорош луг. Или под гречку. А вот на той рощице, на опушке, я бы, будь мирное время, устроил бы пасеку ульев на десять, вон кругом липы, а липовый мед, особенно уфимский, знакомый мне, хорош.

За эту крестьянскую хозяйственность прозвали его однополчане — Председатель.

...Дело происходило на холме. Важен он был для обеих сторон. Поэтому нацисты укрепленную вершину обороняли отборными силами. При малейшем к ним приближении гитлеровцы открывали такую неистовую пальбу, что голову поднять было немислимо.

Командир роты вызвал Кривцова, сказал:

— Надо пробраться живым, слышишь, живым, мертвый ты не нужен ни мне, ни твоей жене с ее малышами. Подобраться тихо, крадучись, тайком и протащить за собой динамит, мины вместе с проводом, конец которого останется здесь, у меня. Понял?

— Что ж тут непонятного? Надо так надо.

— А как ты это сделаешь?

На высотку страшно было смотреть, она изрыгала оранжевое пламя, клубы дыма, копоты, смрада.

Степан отозвался:

— Мешки надо, хоть из-под овса, из-под картофеля.

— Зачем?

— А вот увидите, — сказал Кривцов.

Когда мешки принесли из хозяйственного взвода, солдат аккуратно стал складывать в них мины, как яблоки или дыни.

Все мы стали напряженно следить за действиями старого солдата, обреченными, казалось, на провал.

К нашему изумлению, Степан направился не к узкой ложбинке, по которой легче и удобней было бы взбираться на холм, а правее, в самое топкое место, где и кони и люди проваливались по самое горло. Там он лег плашмя, по-пластунски подтягивался все выше и выше. Фашисты пока его не замечали, в том и был его лукавый расчет: не догадаются, что русские вздумают пробираться к ним через болото. Но топь засасывала солдата, душила его, он захлебывался, глотая мерзкую гнилую воду.

Степан прижимался тесно к мешку с минами, все же державшимися «на плаву», на поверхности болота, и вот — замер.

— Каюк! — сказал кто-то из нас. — Пропал Председатель. Нет, ползет...

В те минуты судьба боя, судьба важной для нас высоты была в руках одного пожилого русского солдата. Он был по-крестьянски упрям. Отплевывался, переживал малость, отдыхая, и снова тянул за собой мешки, три мешка с проводом позади.

Мы молча курили папиросу за папиросой, не в силах помочь пожилому солдату ничем, решительно ничем, кроме оружейного огня по высоте, прикрывавшего тяжкий путь солдата, но так, чтобы не задеть осколками его самого.

...И вдруг — страшный взрыв на гребне того недоступного вот уже недолго холма! Взрыв! Еще взрыв!

Это командир полка заметил взмах руки Степана Кривцова и включил от аккумулятора смертный ток, скользнувший по проводу к минам, притащенным старым солдатом к самой вершине, и мины с треском, ревом, свистом взорвались одна за другой.

Командир роты почувствовал, что чаша весов качнулась в нашу сторону, и повел бойцов в атаку. Фашистов выбили из последнего на этом участке опорного пункта.

— Сильный ты, черт, — сказал Степану командир. — От Москвы до моря дошел, и не берет тебя вражья пуля.

— Она бы взяла меня, да я не даюсь, — ответил старый солдат.

Это было в последние недели 1944 года у балтийского берега.

...Где ты, старый солдат?

Кому не приходилось слышать это название — Мамаев курган! Мамаев курган в Сталинграде. Один из узлов многодневного сражения. Один из опорных пунктов нашей обороны. Теперь там воздвигнут грандиозный монумент в честь героев Сталинградской битвы. Склонив голову, приходят гости Волгограда, приезжающие со всех концов страны и всего мира, мимо мраморных знамен, на которых начертаны имена доблестно погибших защитников Сталинграда, Волги, Мамаева кургана.

Имена... Имена... Имена... Русские, украинские, белорусские, грузинские, азербайджанские — в них видишь весь наш народ-герой. И на одном из знамен среди других фамилий — Шамаев Марк...

И вдруг, как бы из небытия, приходит в редакцию письмо. Подпись — Марк Шамаев. Да, то самое имя. Тот самый человек. Тот самый воин. Он жив!

И вот я на пороге комнаты Марка Шамаева в центре Баку. Худощавый, стройный, подвижный, с улыбающимися глазами.

В первый день войны, 22 июня 1941 года, Марк был уже в 48-м инженерном полку НКВД, дислоцировавшемся в Баку. В апреле сорок второго года Марк подал заявление — он просил направить его на фронт. Вскоре же оказался в Сталинграде. Четыре месяца спустя его перевели в 19-й полк 13-й гвардейской дивизии А. Родимцева.

Родимцев! Передо мной тут же всплыли картины боев под Киевом, под Харьковом — тогда впервые я услышал это имя, увидел человека, о котором уже тогда шла молва в окопах, молва, распространившаяся на всю нашу страну в дни Сталинградского сражения.

В августе дивизия, нуждавшаяся в переформировании после трехмесячных тяжелых боев, перебрасывается в Камышин. В ночь на 16 сентября, в разгар Сталинградского сражения, гвардейцы на катерах были доставлены на правый берег Волги — в Сталинград.

Был ли это город? То, что увидел Марк, было за десятки километров видимое зарево, потом по мере приближения — нечто изрыгающее пламя, перечерченное трассирующими пулями, вспыхивающее новыми и новыми взрывами. Немцы обнаружили ночную переправу дивизии, открыли артиллерийский огонь, один из катеров был подбит, спутники Марка спасли тонущих, и прямо с переправы полк, в котором служил Шамаев, бросился в наступление на Мамаев курган.

Да, на тот самый легендарный Мамаев курган!

Тот самый курган, где на тринадцатом по счету мраморном знамени в траурном зале в перечне погибших значится Марк Шамаев.

В ту далекую пору Марк был старшиной 6-й роты младшего лейтенанта Чупринина. В момент штурма Мамаева кургана Марк был недалеко от своего командира. В те же часы, огненные, вихревые, Марк впервые увидел Родимцева: он был душой внезапного штурма. Наступление велось рассредоточенно. Надрывались минометы, с каждой минутой нарастал пулеметный огонь. Вспыхивало наше вездесущее, бессмертное «ура». Наземную свою оборону гитлеровцы подкрепили авиацией.

В момент штурма Шамаев был рядом с командиром роты Чуприниным. Вражеская пуля свалила командира. Марк отнес его в лощину. Командир умер на руках у Марка — казак, добрый, справедливый, бесстрашный человек! Осатанев от горя и злобы, Марк Шамаев бросился вперед. Он и его товарищи по полку оказались

в самом горячем, «вредном» месте. Потери росли с каждой минутой. На помощь пришел 416-й полк — той же родимцевской дивизии. На рассвете наши солдаты ворвались в первую неприятельскую траншею. Бой шел и ночью — все перемешалось тут, наступление и оборона.

Ночь не спали, не отдыхали ни минуты — ночь боя, ночь штурма! В своей книге, посвященной Сталинградской битве, генерал А. Родимцев вспоминает: «...только к вечеру удалось попасть в расположение полка Долгова, который выбил гитлеровцев с Мамаева кургана».

Полк Долгова. Тот самый полк, где служил тогда Марк Шамаев!

Был еще страшный день — пять человек осталось на том участке Мамаева кургана, где держались Марк и его товарищи. Пять человек! В Сталинграде это было немало. Нет, совсем немало. Если учесть, что это были за люди — люди Сталинградской обороны!

...17 сентября Шамаева и его друзей перебросили с Мамаева кургана к пивному заводу против Дома специалистов, у здания Госбанка.

Что такое уличный бой в Сталинграде 1942 года? Линия фронта проходила здесь через этажи полуразрушенных зданий, подвалы, пепелища, заводские цехи. Проходила эта линия и по вертикали: на первых этажах — наши, на верхних — фашисты. Шамаев помнит: это был яростный ближний бой, в котором доходило до того, что противники хватали друг друга за горло и душили.

Ярость наших бойцов достигла наивысшего предела. Марк Шамаев, попавший в пополнение 19-го гвардейского полка, в минуты затишья с некоторым солдатским удивлением вспоминал свое прежнее житье-бытье. Мирную жизнь, отца, работу на рыбных промыслах, комсомольскую жизнь, райком, где он заведовал агитмассовым отделом...

Как странно все это выглядит, когда смотришь вот отсюда, из пекла сталинградского боя!

И вот однажды жена Марка получила похоронную.

Геройски погиб...

Но странно — с фронта от Марка приходили жене деньги. Она написала командиру полка. Тот вызвал писаря. Оказалось, при переводе из части в часть, когда пятерых защитников Мамаева кургана направили в другой полк, писарь ошибся и счел Марка погибшим. И вышло так, что ошибка оказалась двойной: писарь забыл вычеркнуть Шамаева из списка погибших!

Брянский и Белорусский фронт... 1-й Украинский фронт... Встречи с польскими и чехословацкими воинами, а потом — Карпаты, война в горах, непривычная, тяжелая, полная неожиданностей, и — еще одно ранение!

Сутки лежал он на поле боя. Снова смерть склонилась над Марком. Несколько часов бойцы искали своего старшину. Нашли. Смерть попятилась, но не сдавалась, шла по пятам в то время, как товарищи

Шамаева на самодельных носилках, скользя на мокрой, раскисшей от дождей земле, то опускаясь чуть не ползком, то поднимаясь, несли его через шесть гор.

Смерть обдавала его своим холодным дыханием и тогда, когда везли его в Краков, затем во Львов. Марк вечно благодарен тем двум бойцам, что вынесли его с поля боя, и тому азербайджанцу-хирургу, который повелел смерти: «Уходи! Тут тебе не место! Такие не умирают!»

РОДОСЛОВНАЯ ДОБЛЕСТИ

Худое, нервное, чуть сумрачное лицо. Впалые щеки, резко очерченный подбородок, что особенно заметно благодаря тому, что генерал несет голову высоко, будто держит равнение в строю. Он худощав и строен, как юноша. Тонкая талия туго стянута армейским ремнем. Рукава гимнастерки заправлены в карманы брюк...

Генерал, дважды Герой Советского Союза Василий Степанович Петров не любит говорить и никогда не говорит о своей тяжелой беде. И всем молчаливо внушает помалкивать об этом. Всем своим поведением и на службе и дома он как бы начисто отстраняет самый факт тяжелого ранения, лишившего его обеих рук.

Беда настигла его осенью 1943 года в бою за первый наш плацдарм на западном берегу Днепра. Из госпиталя В. С. Петров вернулся на фронт, снова возглавил артиллерийский полк и на земле врага, в фашистской Германии, действовал с таким неукротимым напором, с такой дерзкой и умной отвагой, с таким пренебрежением к смерти, что ошеломленные гитлеровцы никогда бы не поверили: их бил, их гнал, отражая неистовые контратаки, опережая внезапным маневром, окрыляя своих солдат доблестью и личным примером, человек, который не мог взять в руку даже пистолет, потому что у него уже не было рук.

Но у него — ум и сердце солдата, он оставался в строю.

Может быть, самая трудная и важная победа его — это победа над самим собой.

Трудно и больно рассказывать о том, что он пережил в госпитале, когда с суровой, беспощадной ясностью отдал себе отчет в том, что произошло, какой страшный удар нанесла ему фронтовая судьба.

Он был тогда в расцвете сил: ему пошел только двадцать первый год! Разумом, сердцем, волей он принадлежал жизни, как немногие из нас,— такой внутренний жар бушевал в нем, такая жажда действия, подвига обуревала его. Так много успел он совершить на фронте до этого рокового ранения — первая Золотая Звезда Героя дана ему за доблесть в днепровском сражении и во многих, многих боях до Днепра. Но этот проклятый немецкий металл непоправимо и зло искалечил

его — человек ли он теперь? Что он может? На что способен? Какую пользу может принести армии?

Там, в госпитале, он был холодно уверен, что жизнь кончена. Кончена жизнь. И, отрезая пути к жизни, он обдуманно сделал так, чтобы родные, когда-то уже получившие по ошибке похоронную с фронта, не мучались второй раз, не знали, что он уцелел, не оплакивали его снова, раз уж все равно пришла ему пора кончать расчеты с жизнью.

Так он думал долгими ночами в госпитале.

...Генерал сидит в кресле напротив меня, прямой, собранный, необычайно отчетливый в каждом движении. Я слушаю его рассказ о минувшей войне — день за днем, рубеж за рубежом, начиная от западной нашей границы до берегов Дона и с обратными волнами нашего наступления до вражеского логова за Одером. Толстые блокноты заполнены записями от корки до корки. Ни времени, ни места не хватит, чтобы воспроизвести здесь весь боевой путь юного лейтенанта, а ныне — генерала Петрова. И когда я вижу его перед собою, в памяти встают лишь самые яркие картины: родословная его доблести.

...Ночь под воскресенье 22 июня 1941 года. Лишь восемь дней назад девятнадцатилетний лейтенант Петров прибыл сюда из училища. В памяти еще бродят воспоминания о выпускном вечере, прощании с преподавателями-командирами, о прогулках по Львову на пути к границе, о том, как молоденькие лейтенанты сунули свои чемоданы под сиденье в трамвае и тут же вскочили, уступая место чинным львовским дамам, и потом терзались, не зная, как вытащить из-под их ног чемоданы, и проехали лишний круг.

Все это взорвано было под утро на воскресенье. Петров проснулся от чудовищного гула и грохота. На голову валилась штукатурка, со звоном вылетали стекла из окон, пыль столбом вздымалась в здании бывшего монастыря, где размещался штаб артдивизиона. Вскочив с койки, Петров успел взглянуть на часы: 2.30 ночи. С этой минуты началась для него война. С этой минуты каждый день и каждую ночь, исключая тяжкие госпитальные дни и ночи, он находился в бушевавшем котле войны — до победной весны 1945 года. С той минуты кончилась юность лейтенанта Петрова. Настала пора испытаний, сделавших его человеком войны, зрелым, беспощадно строгим к себе и другим офицерам.

Не забыть ему — и никому не следует забывать! — страшную сумятицу первых дней внезапной войны. Не забыть отвагу и упорство приграничных частей нашей армии, достигнутых врасплох, обреченных на бой в окружении, обреченных на гибель и все же прорывавшихся сквозь стальные клещи немецкого наступления.

К вечеру 23 июня батарею, где Петров был старшим офицером, атаковали фашистские танки. И после первого боя, когда немцы на флангах прорвались далеко на восток, дивизион без боеприпасов, горючего, без связи с командованием, действовал уже в полном окружении.

Передо мной сидит и неторопливо ведет рассказ отличившийся во многих сражениях генерал. Но, слушая его и возвращаясь в огненный 1941 год, я вижу девятнадцатилетнего лейтенанта, только-только вступавшего в жизнь, еще не вкусившего радостей жизни и ходом событий свергнутого в бурю войны. Я вижу его в ту минуту, когда в строю офицеров он слышит безжалостно точные слова майора, командира дивизиона.

Немцы в нашем тылу. Боеприпасов и горючего в дивизионе нет. Связи с пехотными частями нет. В этой сложной обстановке майор принимает решение, за которое полностью несет ответственность перед государством и партией, и от выполнения своего приказа не потерпит никаких отклонений. Орудия привести в негодность! Автомашины сжечь! Соблюдая строжайшую дисциплину, сохранив все знаки воинского звания, люди дивизиона будут прорываться на восток!

В родословную доблести офицера Петрова первым и вечно памятным примером входит поведение командира дивизиона, майора Фарафонова.

— Если бы не он, мы бы не вырвались из клещей, — вспоминает генерал. — Он один спас всех нас железным соблюдением дисциплины. Он вдохнул в нас уверенность в том, что мы пробьемся, должны пробиться, не можем не пробиться, пусть даже навалится на нас вся фашистская нечисть. Мы пробивались несколько суток, без отдыха, без пищи, без сил. И засыпали на ходу, и я помню, как однажды повалился в болото, лежал в гнилой воде и думал: хоть бы минуту еще остаться вот так, в этой жиже, с закрытыми глазами! Но майор поднял нас, и мы шли, шли, шли, и никто не знал, когда же сам-то майор даст себе передышку, хоть на минуту забудется? Он был строг беспощадно. И он спас людей своего дивизиона.

Я вижу лейтенанта Петрова в тот миг, когда майор Фарафонов, обнаружив у одного из своих командиров опасные признаки трусости, приказал расстрелять его, охраняя закон дисциплины, охраняя своих людей от малейших признаков малодушия. Он пожертвовал одним, недостойным, чтобы спасти всех — для сопротивления, для войны, для победы!

Но тот, кого расстреляли, был знаком лейтенанту Петрову. Вместе с ним он окончил училище, вместе с ним ехал к границе, вместе бродили они по Львову и смеялись над забавным происшествием во львовском трамвае. И вот он лежит на земле, и майор Фарафонов проводит дивизион мимо его бездыханного тела, и Петров душит в себе чувство жалости: на войне нет и не может быть жалости к малодушным!

Дивизион вышел из окружения. Его офицеры получили новые назначения. Перед их строем майор Фарафонов прощался с теми, кто обязан ему спасением и воинской честью. Все испытывали чувство огромного уважения к этому человеку: он стал для них первым

учителем на войне. Вскоре они узнали, что майор погиб смертью храбрых в бою под Новоград-Волынском.

Так началась для Петрова война. Так начались бесконечные дни и ночи, наполненные неизвестностью и тревогой, новые и новые бои в окружении до самого Днепра и дальше, дальше, и отчаянно смелая атака у моста через реку Сулу, и внезапный ответный удар гитлеровцев, и снова болото под жестоким вражеским огнем. И рядом трупы, умирающие умоляют добить их, и ты не можешь поднять головы, в тебя бьют и бьют с высокой дамы. Так прошло несколько часов, прошла ночь, в болоте, в сентябрьской воде.

И Петров решил, что с него довольно, ждать смерти недостойно солдата, он сам должен овладеть положением, пусть даже безвыходным.

— Есть живые? — крикнул Петров, и болото ответило молчанием. Тогда он поднялся, побежал зигзагами, кто-то живой поднялся за ним. Петров кричал, чтобы тот не ложился, ни за что не ложился, лежащего немцы добьют. В укрытии двое живых отдышались, потом обнаружили еще двух молоденьких офицеров, только что с курсов, искавших свою часть, еще не знакомых с настоящей войной.

И теперь Петрову пришел черед выводить людей из окружения, быть старшим, быть строгим в опасности, каким был майор Фараонов. И он вывел людей из вражеской петли, наталкиваясь на немцев на каждом шагу, даже совершая налеты на них и захватывая трофеи в виде компаса, карты, провианта, оружия.

В ходе войны вышло так, что Петров, служивший в корпусной артиллерии, был определен затем в истребительную противотанковую артиллерию Резерва Главного Командования. Это служба особого рода. Противотанкистов РГК, как правило, перебрасывали туда, где назрел зловещий кризис, где врагу удалось опрокинуть наши части, где нет уже реальных сил для отпора и только подоспевшие батареи огнем с открытых позиций могут спасти положение — в одиночестве, без поддержки пехоты, один против лавины вражеского наступления.

И лейтенант Петров всем складом своей натуры, самообладанием и бесстрашием, быстротой мысли и действия как будто рожден был для службы в этих войсках.

Перелистываю страницы записей и вижу снова и снова, как Петров, опережая пехоту, выходит к немецкой проволоке под огонь вражеских и наших батарей, чтобы своим присутствием поднять дух пехотинцев перед атакой. То он колесит ночами в тылу у врага, разыскивая, подтягивая отставшие батареи, то где-то на пылающем мосту, уже разбитом немецкими бомбами и подвергающемся новым и новым налетам авиации, спасает отставшее орудие и чудом, сквозь пламя и зияющие на мосту провалы, все же вытаскивает его на тот берег.

То я вижу его с машинами и орудиями, вклинившимися во мраке ночи в походную вражескую колонну, потому что другой проезжей дороги нет для орудия и нужно продвигаться вместе с ничем не подозревающими гитлеровцами, пока не представится случай выскользнуть в сторону и пробиться к своим.

Выбирая наугад страницы из блокнота, я вижу наблюдательный пункт Петрова на окраине Воронежа, под самым носом у гитлеровцев, на самом острие нашего берегового плацдарма, в зоне ураганного вражеского огня. Всем своим существом он принадлежит бою, нет у него других помыслов, кроме боя. Однажды в крошечном аду переправы тяжелый снаряд вздымает дыбом машину, и рухнувший грузовик подминает под себя Петрова. У него сломаны ребра, но, придя в сознание, он остается в строю.

Уже тогда он — один из лучших командиров-артиллеристов. Это он упорной тренировкой обучил свою батарею стрельбе по вспышкам — ошеломляющему приему, когда все четыре орудия безостановочно бьют с быстротой чуть ли не пулеметов, каждое орудие — по выстрелу в каждые три секунды, а вся батарея извергает по 80 снарядов в минуту. Пленные гитлеровцы признавались: дьявольский огонь этой батареи они приняли за испепеляющие залпы гвардейских минометов, «катюш».

И эта петровская выучка сделала свое дело в дни наступления, в боях за Воронеж, в штурме Касторной, в битве под Соколовом, где его батарея сражалась рука об руку с героями чехословацкого соединения командира Свободы. И в те страшные дни, когда гитлеровцы снова захватили освобожденный нами Харьков и Петров с частью уцелевших орудий долго удерживал центр города, площадь Дзержинского с гигантским зданием Госпрома, хотя фашисты обстреливали батарейцев из окон, с балконов, нависших над площадью. И в урагане нашего грандиозного контрнаступления в районе Курской дуги и в легендарном сражении на днепровском плацдарме, где Петров командовал уже не батареей, а полком истребительной противотанковой артиллерии РКК.

Перелистывая страницы блокнота, я возвращаюсь к апрелю 1943 года. К тому дню, когда из-за многих дававших себя знать ранений и травм Петрова чуть не насильно отправили в госпиталь.

— Я повертел в руках бумажку с направлением, подумал: для чего мне госпиталь? — рассказывал Василий Степанович. — Для вида пробыл в госпитале одну ночь. Потом наврал врачам, будто вернусь, а сам отправился в бригаду своего прежнего командира. Вскоре я был назначен заместителем командира 1850-го полка истребительной противотанковой артиллерии. Командиром этого полка был Александр Васильевич Чапаев, сын комдива гражданской войны Василия Ивановича Чапаева. В одном полку мы служили недолго, Александр Васильевич получил повышение, стал заместителем командира бригады.

Начало памятного сражения в районе Курска застало Василия Степановича Петрова в левом углу знаменитой Курской дуги, перешеек которой гитлеровцы вознамерились пробить, прорвать, продавить хорошо подготовленным, гигантским наступлением и тем самым окружить и уничтожить советские войска в Курском выступе.

К утру 5 июля Петров, в чье подчинение были переданы три батареи артполка, занял огневые позиции западнее деревни Дмитриевки. Свой наблюдательный пункт Петров устроил на крыше одного из деревенских домов. Сквозь дымку еще не рассеявшегося предутреннего тумана он видел: гитлеровцы наступают. Все пространство, и ближнее и дальнее, наполнено было тяжким гулом орудийной канонады, тем слитным, всепроникающим гулом, в котором сливаются выстрелы сотен пушек, рев моторов, пальба пулеметов, винтовок, автоматов, грозный голос гигантской битвы.

Волны вражеского наступления на этом участке, как и всюду, обрушивались одна за другой: Гитлер приказал добиться успеха ценой любых жертв. И с семи утра до двух часов дня Петров со своими тремя батареями действовал в этом аду, бил, бил по вражескому флангу, пока не получил приказание снять батареи с прежних позиций и переместиться в район станции Ивня. С ходу орудия Петрова открыли огонь с открытых позиций по фашистским танкам, а потом, пересекая прорыв вражеских войск, Петров приказал перенести огонь на дорогу, ведущую через высоту к станции Ивня.

На глазах наших артиллеристов разыгралось драматическое столкновение наших танков с новыми тяжелыми танками Гитлера. Около трехсот машин с обеих сторон участвовали в том бою.

Генерал Петров вспоминал, как хорошо тогда сделал свое дело командир 5-й батареи старший лейтенант Иван Романович Блохин. Огнем с открытых позиций этот спокойный и смелый офицер подбил и поджег тогда пять или шесть немецких танков — тех самых, которыми гордились германские конструкторы-оружейники и на которые Гитлер с его генералами возлагали так много надежд.

На второй день боя пришел приказ сниматься с позиций и перебрасываться в другой, еще более важный район сражения. Снимать батареи с открытых позиций! Трудная задача! Орудия на виду у врага. А в этих условиях пушка лишь в том случае пушка, если ствол ее обращен в сторону противника и огнем своим она сдерживает врага. Снимаясь с огневых позиций на виду у неприятеля, под ударами всех видов огнестрельного оружия начиная от артиллерии вплоть до винтовок и автоматов пушка, по существу, беззащитна.

Но приказ есть приказ. Петров сам снимал с позиций орудия 5-й батареи, наиболее приближенные к противнику, и так или иначе вывел их, но потерял при этом три грузовых «студебеккера».

Вскоре его орудия продолжали бой уже в районе Прохоровки. Описание боя, особенно литературное описание, — вещь условная. Всякий бой распадается на сотни, тысячи эпизодов и обстоятельств, каждое из которых оказывает свое влияние на исход схватки. Об этом хорошо знали такие писатели, как Стендаль и Л. Н. Толстой. Охватить всю картину сражения почти невозможно. Иногда удается почувствовать лишь его кульминацию или наиболее важные эпизоды, позволяющие увидеть героя повествования в характерных для него обстоятельствах. Поэтому и здесь мне придется ограничиться лишь одним эпизодом.

Это был тот момент, когда, пытаясь выдержать наши встречные танковые удары, гитлеровцы снова рванулись со своими танками в наступление.

В решающую минуту Петров заметил, что наводчик одного из орудий действует медленно и плохо. Петров бросился к орудию и сам стал за прицельное приспособление.

Впереди скошенное поле, кое-где темные пятна кустарника. И тут немецкие танки атакуют нашу мотопехоту и мотоциклистов. Отбить удар противника в тех обстоятельствах могли только орудия Петрова, стрелявшие, как обычно, с открытых позиций. Беда в том, что орудий-то было маловато: по одной пушке на километр обороны!

В стальной лавине немецкой атаки шли «тигры».

Пушка, у которой Петров заменял наводчика, успела пригвоздить снарядами к земле одного «тигра» и сразу оказалась как бы в кратере вулкана. Все «тигры», пробивая себе дорогу, обрушили огонь на одинокую пушку Петрова.

Уже не хватало людей в орудийном расчете: кто лежал замертво, навсегда покончив с войной, кто мучился оттого, что тяжкая рана не дает подняться с земли и помочь командиру.

Орудийный щиток изрешетило пулями и осколками, вскоре и вовсе сорвало — Петров продолжал стрелять.

...И вот этот человек лежит в госпитале, сраженный ночными мыслями о том, что на великом и радостном переломе войны он выбыл из строя, абсолютно беспомощен и бесполезен для армии. Кончена жизнь.

Его навешают полковые друзья. Он даже не может протянуть им руку. У него нет рук. Он больше не солдат. И человек ли он теперь — ведь он никогда не в состоянии будет сделать самостоятельно даже то, что доступно ребенку. Поднять упавшую вещь. Перевернуть страницу книги...

Пытаясь пробиться через его молчаливую отрешенность от жизни, полковые товарищи напомнили ему, ведь он сам всегда учил их: достоинство настоящего человека проявляется в том, что в самый безвыходно трудный час он способен подняться над собой, стать сильнее и выше судьбы. Да, размышлял он, это в трудный час. А если

не один час, а всю жизнь, день за днем, год за годом, обречен человек на каждом шагу терзаться своей физической беспомощностью? Слабый духом еще способен вынести это. А сильный? Сильному это труднее во сто крат.

Тогда друзья сказали ему то, что сразу вызвало в нем крутой душевный переворот. Вернись на фронт! Вернись в свой полк! Тебя ждут!

Дружеский толчок всколыхнул то, что и раньше неясно, смутно бродило в его сознании. Или человек способен стать выше самых трагических обстоятельств. Или он капитулирует перед ними, и тогда он не достоин имени человека. Он же всегда был убежден в этом. Он же сам действовал на фронте, руководствуясь этим железным правилом. Теперь он отступит, склонит голову перед бедой?

Он не отступил. И это вскоре почувствовали на себе враги, еще злобно оборонявшиеся в своем логове, сражавшиеся с упорством обреченных. В летопись нашей военной славы навсегда войдут подвиги артиллерийского полка, которым командовал Петров, в боях на Одере в районе Гросс Нойкирх и в тяжелой двухдневной схватке, когда только силами своих пушек полк выдержал внезапный натиск пехоты и танков дивизии СС «Германн Геринг». И сам атаковал занятое врагом село Вильгельминенталь, атаковал силами своих батарей, и ворвался в село, и дерзкой операцией помешал фашистам перерезать дорогу нашего наступления.

Можно книгу написать только об этом бое. Но, может быть, простые слова официального документа будут красноречивее самых картинных описаний. Вот эти слова:

«Три раза он лично водил своих солдат в рукопашную. Его фигура с рукавами в карманах брюк не гнулась ни под каким огнем и воодушевляла гвардейцев на подвиг. Презрение к смерти и непреклонное упорство Петрова были лучшими аргументами стойкости».

За этот подвиг Петров был удостоен второй Звезды Героя Советского Союза.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Сила духа	3
Трудная школа войны	9
Вышел на бой Сталинград	15
И разжалась пружина Курской дуги...	23
На острие прорыва	27
Солдаты Победы	32
Родословная доблести	40

Евгений Генрихович КРИГЕР

ФРОНТОВЫЕ БЛОКНОТЫ

Редактор Ю. С. Новиков

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 14.12.84. Подписано к печати 24.01.85. А 00312.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,10.
Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 85 000 экз. Изд № 527. Зак. № 4029.
Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Выигрышей — десятки миллионов

● Билеты спортивной денежно-вещевой лотереи «Спринт» можно приобрести в киосках «Спортлото». Их стоимость — 50 копеек, а в специальных выпусках — один рубль.

● В серии со стоимостью билета 50 копеек разыгрывается 10 автомобилей («Волга», «Жигули», «Москвич», «Запорожец»), три мотоцикла («Днепр», «Иж-Юпитер», «Урал») и денежные суммы от одного до 5 000 рублей.

● В серии со стоимостью билета один рубль разыгрывается двадцать автомобилей, в том числе две «Волги», и денежные суммы от трех до 10 000 рублей.

● «Спринт» — лотерея без тиража. Чтобы узнать результат, достаточно купить билет и вскрыть его. Размеры денежных и наименования вещевых выигрышей указаны на запечатанных в конверты билетах.

● Выигрыши до 25 рублей включительно выплачиваются по месту приобретения билета общественным распространителем. Для получения более крупного денежного или вещевого выигрыша билеты сдаются на экспертизу в Центральную сберегательную кассу или сберегательную кассу первого разряда.

● По окончании экспертизы денежные выигрыши можно получить в сберкассе, а вещевые высылаются в адреса владельцев Роспосылторгом.

● Выигрышный фонд каждой серии составляет 50 процентов суммарной стоимости выпущенных билетов. Доходы лотереи направляются на развитие физкультуры и спорта, главным образом на строительство спортивных сооружений, на организацию массовых соревнований. Общий выигрыш участников лотереи — новые стадионы, дворцы спорта, спортивные залы и бассейны, возможность систематически заниматься физкультурой и спортом, укреплять свое здоровье.

**Главное управление спортивных лотерей
Спорткомитета СССР**